

БИБЛИОГРАФІЯ.

Кавказъ и Кавказская война. Полк. Романовскаго.—Военно-историческій атласъ войнъ 1812—1815 годовъ. *Подполк. Полторацкаго.* — Лекціи о фортификаціи. *І. Ивашкевича.*

Кавказъ и Кавказская война. Публичныя лекціи, читанныя въ залъ Пассажа, въ 1860 году, Генеральнаго Штаба полковникомъ Романовскимъ. *Санктпетербургъ. 1860.*

Приступая къ рецензіи каждаго литературнаго труда, необходимо задаться двумя главными вопросами: какой цѣли желалъ достигнуть авторъ своимъ сочиненіемъ и въ какой степени успѣлъ выполнить свою задачу? Но, кромѣ того, при разсмотрѣніи многихъ литературныхъ трудовъ, рецензентъ непремѣнно долженъ обращать вниманіе еще на одно весьма важное обстоятельство—на источники и матеріалы, которыми пользовался авторъ, на тѣ средства, которыя могъ имѣть и имѣлъ авторъ въ своемъ распоряженіи, и наконецъ даже на личныя свойства и разнаго рода особенности, дающія автору болѣе или менѣе права на большее довѣріе и уваженіе къ его труду. Къ числу этихъ литературныхъ трудовъ мы относимъ военно-историческія сочиненія, при составленіи которыхъ послѣднія условія играютъ огромную роль. Постараемся объяснить эти условія съ той точки зрѣнія, съ которой мы на нихъ смотримъ. Каждое основательное военно-историческое сочиненіе требуетъ чрезвычайно

много труда, какъ по сложности самыхъ военныхъ событій, такъ и по чрезвычайному разнообразію военно-историческихъ источниковъ и матеріаловъ, весьма часто отличающихся явнымъ противорѣчіемъ и особенною запутанностію, которыя надобно соглашать и распутывать, вооружившись огромнымъ запасомъ терпѣнія, добросовѣстности, знанія всѣхъ условій военного быта и опытности, подкрѣпившись полнымъ военнымъ образованіемъ и запасшись съ избыткомъ временемъ, обрекши себя на тяжелый и весьма часто неблагоприятный трудъ. Мы не будемъ говорить уже о тѣхъ страшныхъ трудахъ, когда автору приходится возиться съ огромною массою совершенно сырыхъ матеріаловъ, когда ему приходится рыться въ дѣлахъ, ужасающихъ своими размѣрами и объемами, и изъ толстыхъ стопъ писанной бумаги концентрировать иногда самыя бѣдныя данныя; когда автору приходится, для составленія наиболѣе достовѣрнаго и полнаго понятія о какомъ либо одномъ фактѣ, бѣгать по различнымъ архивамъ не только одного города и различныхъ управленій, но по архивамъ, разбросаннымъ на огромномъ пространствѣ огромнаго государства; когда автору необходимо, скажемъ откровенно, вылавливать изъ мутной воды различныхъ, по формѣ составленныхъ отчетовъ, факты, наиболѣе близкіе къ достовѣрности; когда автору приходится, почти наудачу, обращаться къ такимъ источникамъ, въ которыхъ, повидимому, весьма трудно отыскать требуемое, и, вопреки всякимъ вѣроятіямъ, находить въ нихъ весьма важныя свѣдѣнія, и проч. и проч. Вообще военно-историческіе источники и матеріалы оказываютъ огромное влияние какъ на изложеніе военно-историческаго сочиненія, такъ равно и на веденіе самаго труда. Здѣсь, съ одной стороны, весьма важно знать, какими источниками пользовался авторъ, въ какой степени были развиты военно-историческія изслѣдованія автора, какія средства были въ его распоряженіи: все это непременно кладетъ извѣстный, опредѣленный колоритъ на трудъ автора. Съ другой стороны, состояніе военно-историческихъ матеріаловъ, характеръ и положеніе источниковъ, изъ которыхъ автору приходится извлекать данныя и свѣдѣнія, касающіяся извѣстной военно-исторической эпохи или событія, могутъ служить примыи извиненіемъ автору, въ случаѣ неполнаго удовлетворенія тѣмъ условіямъ, которыя слѣдуетъ требовать отъ военно-историческаго труда. Что же касается до значенія авторской личности, то, чтобы ограждать себя отъ возраженія, что личность

автора и его взгляд видны болѣе или менѣе во всякомъ сочиненіи, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь нѣкоторыя объясненія. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый авторъ военно-историческаго сочиненія долженъ вполне отличаться военнымъ образованіемъ и, обладая яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ на вещи, анализировать военно-историческія событія съ совершеннымъ безпристрастіемъ, основаннымъ на изученіи всѣхъ явныхъ и тайныхъ пружинъ, оказывавшихъ извѣстное вліяніе на ходъ военно-историческихъ событій, и представить читателямъ полную картину извѣстной войны или извѣстнаго военно-историческаго событія. Здѣсь ни патріотическая стыдливость, ни опасеніе нажить враговъ, ни желаніе прикрыть какія либо ошибки, а тѣмъ болѣе выставить, въ какихъ либо видахъ, событія въ ложномъ свѣтѣ и *подкурить* сильнымъ міра сего, — здѣсь ничто подобнаго не должно имѣть мѣста. Святая правда и военная наука настоятельно требуютъ соблюденія условій правдивости и крайней осмотрительности. Нечего говорить о томъ, что правда всюду нужна; но тамъ, гдѣ повѣствованіе идетъ о жертвахъ жизни и гдѣ повѣствованія эти могутъ служить примѣромъ и предметомъ изученія для послѣдующихъ жертвъ, тамъ правдивость эта должна являться на первомъ планѣ. Слѣдовательно, весьма важно, чтобы военно-историческій писатель въ полной степени отличался этимъ качествомъ. Кромѣ того, вовсе не отвергая возможности, чтобы авторъ военно-историческаго труда, не участвовавшій въ извѣстныхъ военныхъ событіяхъ, могъ превосходно изложить ихъ въ своемъ трудѣ, мы, во всякомъ случаѣ, при прочихъ одинаковыхъ достоинствахъ автора, всегда отдадимъ преимущество тому изъ нихъ, кто лично принималъ участіе въ извѣстной войнѣ и, притомъ, по своему положенію, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и на мѣстѣ, изучилъ, такъ сказать, колоритъ войны. Мы знаемъ, хотя и немного, превосходныхъ военно-историческихъ трудовъ, написанныхъ авторами, не принимавшими участія въ войнахъ, которыя служили предметомъ ихъ изученія и изложенія. Достаточно упомянуть объ «Исторіи войны 1799 года», Д. Милютина. Но, въ то же время, по нашему мнѣнію, весьма важно, если авторъ имѣлъ полную возможность, при знаніи мѣстныхъ условій, взглянуть въ духъ и характеръ обѣихъ враждующихъ сторонъ, изучить на мѣстѣ не только главные, отличительныя свойства войны, но малѣйшіе ея оттѣнки и всѣ тѣ черты, которыя весьма ча-

сто неуловимы для автора, обращающагося съ письменными матеріалами.

Но обратимся къ сочиненію, заглавіе котораго приведено въ началѣ нашей статьи, и посмотримъ, въ какой степени оно удовлетворяетъ всѣмъ исчисленнымъ нами условіямъ.

Въ книгѣ «Кавказъ и Кавказская война» изложены десять публичныхъ лекцій, читанныхъ въ залѣ Пассажа, въ 1860 году, Генеральнаго Штаба полковникомъ Романовскимъ; кромѣ того, книга пополнена нѣсколькими весьма любопытными приложеніями и снабжена хорошо выполненными планами сраженій и картою Кавказскаго края.

Г. Романовскій, упомянувъ о недостаткѣ сочиненій о Кавказѣ и о кавказской войнѣ, во введеніи къ своему труду, говоритъ: «Чтобы доставить не имѣвшимъ случая быть на Кавказѣ болѣе возможности ознакомиться съ этимъ краемъ въ военномъ отношеніи и съ особенностями кавказской войны, учредители публичныхъ чтеній предложили мнѣ собрать и систематически изложить тѣ данныя, которыя для сего въ особенности необходимы.

«Желая быть полезнымъ по мѣрѣ силъ, счастливый тѣмъ, что буду имѣть случай говорить о нашей славной кавказской арміи, подвигамъ которой и мнѣ не разъ случалось быть очевидцемъ, я съ особенною радостію принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе». Далѣе, имѣя въ виду объяснить тѣ основанія, на которыхъ была составлена программа чтеній, авторъ говоритъ: «При совершенномъ отсутствіи полнаго систематическаго описанія Кавказа и его исторіи, составленіе по этимъ предметамъ, въ настоящее время, разсказа, хотя и краткаго, но вполне систематическаго, было бы невозможно. Но подобной цѣли и не имѣютъ предстоящія чтенія. Вся ихъ цѣль ограничивается, какъ я имѣлъ честь сказать, только тѣмъ, чтобы доставить не имѣвшимъ случая посѣтить Кавказъ болѣе возможности ознакомиться съ кавказской войной и вообще съ Кавказомъ въ военномъ отношеніи и, такимъ образомъ, въ нѣкоторой степени, замѣнить для нихъ то, что они приобрѣли бы сами, если бы лично посѣтили Кавказъ». Затѣмъ г. Романовскій, указавши цѣль своихъ чтеній, переходитъ къ изложенію тѣхъ основаній, на которыхъ составлена программа. «При составленіи программы — говоритъ авторъ — я имѣлъ также въ виду, что Кавказскій край, по мѣстности, по народонаселенію и по своей исторической судьбѣ, дѣлится на

нѣсколько частей, весьма много отличающихся другъ отъ друга. Особенности этихъ отдѣльныхъ частей края имѣютъ весьма большое вліяніе какъ на образъ военныхъ дѣйствій, такъ на самые виды и мѣры правительства, а потому, высказавъ общій взглядъ на мѣстность, этнографію и исторію всего Кавказскаго края, я нашель необходимымъ каждую изъ отдѣльныхъ частей Кавказа разсмотрѣть особо, въ болѣе подробномъ видѣ; для большей же ясности разказа, я полагалъ, что всего удобнѣе общій очеркъ военныхъ дѣйствій, въ нихъ происходившихъ, изложить вмѣстѣ съ военно-статистическими обзорѣніями этихъ отдѣльныхъ частей.

«Такіе естественные отдѣлы Кавказа составляютъ: *Закавказскій край*, или *Закавказье*, *сѣверная часть Кавказскаго края*, или *Кавказская Линія*, и *Дагестанъ*. При подробномъ обзорѣ каждой изъ этихъ частей, будутъ разказаны и главнѣйшія военныя дѣйствія, въ нихъ происходившія, отъ начала Кавказской войны до окончанія послѣдней Турецкой войны.

«Что же касается до военно-административныхъ раздѣленій края, каковы, напримѣръ, *Лезгинская кордонная Линія*, *Правое и Лѣвое Крыло*, и т. д., то подобныя военно-административныя раздѣленія будутъ указаны, по мѣрѣ надобности, при разказѣ о главнѣйшихъ событіяхъ, когда такія указанія будутъ нужны для разъясненія края въ военномъ отношеніи.

«Порядокъ для подробнаго обзора частей Кавказскаго края избранъ въ программѣ на основаніи самаго хода событій. Такъ какъ Закавказье, въ первое время, составляло главный предметъ вниманія нашего правительства и служило главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, то прежде другихъ и будетъ разсмотрѣнъ Закавказскій край; затѣмъ будетъ разсмотрѣна сѣверная часть Кавказскаго края и наконецъ Дагестанъ (*).

(*) Здѣсь не лишнее будетъ замѣтить, что, въ настоящее время, въ раздѣленіи Кавказскаго края и въ наименованіи частей его, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, о чемъ упомянуто въ книгѣ г. Романовскаго, въ примѣчаніи. Правое Крыло Кавказской Линіи переименовано въ *Кубанскую область*; Лѣвое Крыло переименовано въ *Терскую область*, къ составу которой причислены и всѣ вновь покоренныя племена, живущія въ Черныхъ горахъ и на скатахъ Андійскаго-Койсу. Обѣимъ областямъ, вмѣстѣ съ Ставропольскою губерніею, присвоено названіе *Сѣвернаго Кавказа*. Прикаспійскій край, вмѣстѣ съ бывшею Дербентскою губерніею (за исключеніемъ Кубанскаго уѣзда, присоединеннаго къ Бакинской губерніи), и вновь покоренныя общества внутренняго Дагестана, живущія между правымъ берегомъ Андійскаго-Койсу и главнымъ хребтомъ, составили вновь образованную *Даге-*

«Затѣмъ предполагается разсказать исторію шоридизма, этой особой магометанской секты, которая надѣлала такъ много затрудненій при умиротвореніи Кавказа, и изложить обзоръ различныхъ системъ дѣйствій, употреблявшихся на Кавказѣ въ прежнее время, до назначенія главнокомандующимъ кавказскою арміею генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго.

«Въ послѣднихъ двухъ чтеніяхъ, будутъ изложены: перечень главнѣйшихъ событій на Кавказѣ за послѣдніе три года, результаты, нами достигнутые въ настоящее время, и объяснятся современное положеніе Кавказа, конечно, на столько, на сколько оно можетъ быть очевидно для каждаго, кто знакомъ съ краемъ и слѣдитъ за обнародованными извѣстіями о Кавказѣ.

«Считаю также своимъ долгомъ — говорить, въ заключеніе своего введенія, авторъ—предупредить, что все заключающееся въ моихъ чтеніяхъ основано или на источникахъ, по возможности, достовѣрныхъ, или на мнѣніяхъ людей, хорошо изучившихъ край, или наконецъ на томъ, чему мнѣ случилось быть очевидцемъ.»

Познакомившись съ цѣлю и главными основаніями программы чтеній г. Романовскаго, прежде, нежели приступимъ къ разсмотрѣнію его труда, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о самомъ авторѣ. Полковникъ Романовскій, кончившій курсъ высшаго военнаго образованія въ Инженерномъ училищѣ и въ Военной Академіи (нынѣ Академія Генеральнаго Штаба), долгое время служилъ въ кавказской арміи, при чемъ, въ послѣднее время (1856—1857), состоялъ при особѣ нашего знаменитаго фельдмаршала князя Барятинскаго. Въ настоящее же время, онъ состоитъ при Департаментѣ Генеральнаго Штаба, въ качествѣ начальника временнаго отдѣленія по кавказскимъ, оренбургскимъ и сибирскимъ дѣламъ, въ военномъ отношеніи. Слѣдовательно, съ одной стороны, онъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ духомъ и характеромъ кавказской войны, съ другой стороны — имѣлъ подъ рукою всѣ возможные средства для наилучшаго выполненія предпринятой задачи.

станскую область. Область эта раздѣлена на четыре военные отдѣла: 1) Сѣверный, 2) Южный, 3) Средній и 4) Верхній Дагестанъ. Начальнику послѣдней части подчиненъ временно Закатальскій округъ, образованный изъ бывшаго Бѣлоканскаго округа, и на два гражданскія управленія: 5) Дербентское градоначальство, при чемъ прежняя Дербентская губернія упразднена, и 6) управленіе портоваго города *Петровска*. Кромѣ того, Лезгинская Кордонная Линія упразднена.

И, дѣйствительно, г. Романовскій выполнилъ свою задачу съ полнымъ успѣхомъ. Имѣя цѣлью познакомить тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые не были на Кавказѣ, съ этимъ краемъ на столько, на сколько это нужно для уразумѣнія вліянія мѣстныхъ свойствъ края на способы и характеръ веденія войны, а также съ кавказскою войною съ самаго начала ея до умиротворенія восточной части Кавказа, служащаго залогомъ полнаго умиротворенія Кавказскаго края, г. Романовскій вполне достигъ своей цѣли. Странно было бы искать въ трудѣ г. Романовскаго, предназначавшемся для десяти публичныхъ лекцій, большихъ подробностей: это было бы невозможно и вовсе не входило въ расчетъ автора. Притомъ, г. Романовскій вовсе не гонялся за увлекательностію изложенія и эффектностію картинъ. Вѣрными и ясными очерками авторъ обрисовалъ различныя части Кавказскаго края, его природу и свойства, его населеніе, характеръ и бытъ этого разнообразнаго населенія и затѣмъ, въ послѣдовательныхъ очеркахъ, изложилъ главнѣйшія событія кавказской войны, прослѣдивъ всѣ фазисы умиротворенія Кавказа, при чемъ весьма ясно и рельефно указалъ на тѣ особенности и характеристическія черты, которыми отличалась война, и на тѣ разнообразныя системы веденія войны, которыя были принимаемы въ различныя времена шестидесятилѣтней борьбы.

Все сочиненіе г. Романовскаго раздѣлено на *десять чтеній*, оглавленіе которыхъ приводимъ здѣсь, имѣя въ виду познакомить нашихъ читателей въ большей подробности съ содержаніемъ книги.

Въ первомъ чтеніи изложены: Общій взглядъ на мѣстность, народонаселеніе и исторію Кавказскаго края. — Разнообразіе мѣстности и разноплеменность жителей. — Главныя естественныя отдѣлы края. — Кавказскіе горцы. — Сравненіе, въ общихъ чертахъ, покоренія Алжирии съ покореніемъ Кавказа. — Причины, вызвавшія Россію на войну противу кавказскихъ горцевъ. — Мнѣніе объ этой войнѣ генерала Вельяминова.

Во второмъ чтеніи помѣщены: Военно-статистическій очеркъ Закавказскаго края. — Положеніе этого края въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія. — Вступленіе русскихъ войскъ въ Тифлисъ. — Сраженіе на рѣкѣ Іорѣ. — Причины, побудившія наше правительство присоединить Грузію къ Россіи. — Первые войны съ Персією и Турцією въ Закавказскомъ краѣ. — Князь Циціановъ. — Дѣйствія полковника Карягина въ Карабахѣ, въ

1805 году. — Генералъ Котляревскій. — Сраженіе при Аслан-дузѣ.

Чтеніе третье заключаетъ въ себѣ: Распространеніе и утверженіе русскаго владычества въ Закавказьѣ послѣ первыхъ войнъ съ Персіею и Турціею. — Вторыя войны съ Персіею и Турціею. — Лезгинская кордонная Линія. — Причины, побудившія устроить эту линію, и постепенное усиленіе ея обороны. — Охраненіе сѣверо-западной части Закавказскаго края. — Черноморская береговая Линія. — Последняя турецкая война въ Закавказскомъ краѣ.

Въ четвертомъ чтеніи изложены: военно-статистическій очеркъ сѣверной части Кавказскаго края. — Нравы, обычаи и бытъ горцевъ, обитающихъ по сѣверную сторону Кавказскаго хребта. — Первые поселенія Русскихъ въ этой части Кавказа. — Устройство Кавказской Линіи. — Военныя дѣйствія на Линіи до генерала Ермолова. — Начало систематическихъ дѣйствій противъ кавказскихъ горцевъ со времени генерала Ермолова.

Въ чтеніи V: Усиленіе военныхъ дѣйствій противъ кавказскихъ горцевъ по окончаніи Турецкой войны 1828—1829 годовъ. — Генералъ Вельямновъ. — Записка этого генерала о войнѣ противъ горцевъ. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказской Линіи съ 1830 по 1845 годъ. — Князь Воронцовъ и военныя дѣйствія въ сѣверной части Кавказа съ 1845 по 1856 годъ.

Чтеніе VI заключаетъ въ себѣ: Военно-статистическій очеркъ Дагестана. — Первые походы Русскихъ на Дагестанъ. — Утвержденіе здѣсь русской власти. — Очеркъ главныхъ распоряженій и дѣйствій въ Дагестанѣ генерала Ермолова. — Усиленіе военныхъ дѣйствій со времени распространенія мюридизма. — Экспедиціи въ Нагорный Дагестанъ. — Занятіе Аваріи. — Событія 1843 года. — Очеркъ военныхъ дѣйствій съ 1845 по 1856 годъ.

Въ чтеніи VII изложено: Начало и распространеніе мюридизма на Кавказѣ. — Мулла-Магометъ, Кэзи-Мулла, Гамзатъ-Бекъ и Шамиль. — Очеркъ политической, военной и административной дѣятельности Шамиля.

Въ чтеніи VIII заключается: Обзоръ различныхъ системъ дѣйствій, употреблявшихся на Кавказѣ въ прежнее время, до назначенія главнокомандующимъ Кавказскою арміею генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго. — Мирныя и торговыя сношенія. — Поселенія. — Дороги, просѣлки и укрѣпленія. — Военныя дѣйствія. — Записка генерала Пассека о различіи въ обра-

гѣ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ. — Общій выводъ о Кавказской войнѣ до 1856 года.

Въ IX чтеніи: Положеніе Кавказскаго края по окончаніи послѣдней Турецкой войны. — Назначеніе главнокомандующимъ на Кавказъ генераль-адъютанта князя Барятинскаго. — Новое военно-административное раздѣленіе края. — Новое распредѣленіе войскъ. — Военныя дѣйствія въ продолженіе зимы съ 1856 на 1857 годъ. — Обѣздъ края главнокомандующимъ въ 1857 году. — Новый планъ дѣйствій. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на восточномъ и западномъ Кавказѣ въ 1857 году.

Въ X, окончательномъ, чтеніи изложены: Очеркъ военныхъ дѣйствій на восточномъ Кавказѣ въ 1858 и 1859 годахъ. — Осада Веденя. — Послѣдняя экспедиція въ Дагестанъ. — Результатъ экспедиціи. — Дѣйствія противъ западныхъ горцевъ. — Современное положеніе Кавказа.

Кромѣ того, при сочиненіи г. Романовскаго находятся слѣдующія приложенія: Таблица народонаселенія въ Закавказскомъ краѣ, относящаяся ко II чтенію; Вѣдомость о числѣ войскъ, находившихся въ Закавказскомъ краѣ 13 октября 1804 года, и Росписаніе войскъ Отдѣльнаго Грузинскаго Корпуса въ 1816 году, принадлежащія къ III чтенію; Вѣдомость войскъ кавказской инспекціи, расположенныхъ на Кавказской Линіи въ 1799 году (къ IV чтенію); Рапортъ командиру Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генераль-адъютанту барону Розену, командовавшаго войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, генераль-лейтенанта Вельяминова, отъ 20 мая 1833 года, за № 155 (къ V чтенію), и мнѣніе адмирала Мордвинова о способахъ, коими Россіи удобнѣе можно привязать къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей (къ VIII чтенію).

Сверхъ того, къ книгѣ приложена прекрасно составленная и хорошо выполненная карта «Кавказскаго края», въ масштабѣ 60 верстъ въ дюймѣ, съ означеніемъ послѣдняго военно-административнаго раздѣленія края, и планы: *сраженія подъ Асландузюмъ* 19 октября 1812 года (въ масштабѣ 2 версты въ дюймѣ), *сраженія подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ* 19 ноября 1853 года (въ масштабѣ 2 версты въ дюймѣ), описаннаго въ III чтеніи; *планъ укрѣпленнаго аула Веденя*, съ обозначеніемъ работъ, произведенныхъ при осадѣ его въ 1859 году (въ масштабѣ 250 сажень въ дюймѣ), и *планъ Гунибъ-Дага*, послѣдняго убѣжища Шамиля (въ масштабѣ 2 версты въ дюймѣ). Всѣ поименованные планы

составлены и выполнены весьма удовлетворительно и могут служить прекраснымъ пособіемъ при чтеніи соответствующихъ статей.

Такимъ образомъ, познакомивши нашихъ читателей съ цѣлью книги г. Романовскаго и съ подробною программю его чтеній, перейдемъ къ самому содержанію разбираемаго сочиненія. Но, при этомъ, считаемъ необходимымъ сказать, что, оставляя въ сторонѣ географическіе, статистическіе и этнографическіе очерки автора и всѣ подробности и богатое собраніе фактовъ, приведенныхъ авторомъ, мы остановимся на самой сущности и постараемся изложить взглядъ автора на Кавказскую войну, на различныя системы военныхъ дѣйствій и на современное положеніе Кавказа. Мы предполагаемъ, что читатели «Военнаго Сборника» достаточно знакомы съ Кавказомъ, изъ нѣкоторыхъ статей нашего журнала, чтобы уяснить себѣ все приводимое нами.

При этомъ считаемъ необходимымъ сказать, что мы не будемъ слѣдовать системѣ изложенія автора, т. е. послѣдовательному описанію отдѣльныхъ театровъ войны, — системѣ, весьма удобной при изложеніи тѣхъ подробностей, которыя приведены у автора; но, опосываясь на приведенныхъ авторомъ фактахъ, сдѣлаемъ общій историческій очеркъ главнѣйшихъ событій Кавказской войны.

Изслѣдуя, въ краткомъ очеркѣ, историческія судьбы Кавказскаго края, авторъ приходитъ къ заключенію, что страна эта съ древнѣйшихъ временъ была театромъ почти непрерывныхъ войнъ.

«Безпрерывность войнъ — говоритъ г. Романовскій — и постоянное присутствіе внутри Кавказа полудикихъ воинственныхъ племенъ, враждебныхъ развитію образованія и народнаго благоустройства, составляютъ рѣзкую характеристическую черту исторіи Кавказа. Обстоятельство это имѣетъ первостепенную важность при разсмотрѣніи Кавказскаго края въ военномъ отношеніи и ясно выказываетъ, какія трудности должна была встрѣтить на Кавказѣ какая бы то ни была образованная держава, при общемъ умиротвореніи края, безъ чего полное развитіе его въ гражданскомъ отношеніи невозможно.

«Исторія по стоянно представляетъ примѣры, что жители горъ, даже несравненно меньшихъ, нежели Кавказскія, и среди могущественныхъ государствъ, успѣвали, въ продолженіе вѣковъ, сохранять себѣ независимость. Таковы, на примѣръ, были

шотландскіе кланы въ (для) Англій, (таковы есть) Черногорцы и Мейноты въ (для) Турціи. Но положительно можно сказать, что нигдѣ и никогда природа и самыя обстоятельства края не представляли такихъ удобствъ (?) для обществъ, желавшихъ сохранить свою независимость, и столькихъ преградъ для тѣхъ, кто долженъ былъ ихъ покорять, какъ горы Кавказскаго хребта.»

Здѣсь мы позволимъ себѣ замѣтить, что если, съ одной стороны, топографическія условія края способствовали горцамъ отстаивать свою независимость, то, съ другой стороны — мѣстныя свойства края едва ли представляли для нихъ выгодныя условія и удобства.

Далѣе авторъ переходитъ къ сравненію Кавказской войны съ войною въ Алжиріи. Такъ какъ намъ не разъ случалось слышать и читать различныя мнѣнія, не вполне основательно приписывающія слишкомъ много заслугъ алжирской французской арміи въ сравненіи съ блистательными подвигами нашей Кавказской арміи, то мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь весьма вѣрныя заключенія автора.

«Чтобы яснѣе выразить трудности — говоритъ г. Романовскій — которыя представлялись нашимъ войскамъ при умиротвореніи Кавказа, сравнимъ положеніе и обстоятельства, въ какихъ находились наша армія на Кавказѣ и, напримѣръ, французская армія въ Алжирѣ, на которую нерѣдко указываютъ, говоря о Кавказѣ.

«Нельзя, конечно, не удивляться и не отдать заслуженной похвалы прекрасно исполненному Франціею покоренію Алжиріи. Вѣрно составленный планъ дѣйствій, умѣнье приноравливаться къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, личные таланты начальствовавшихъ здѣсь генераловъ и храбрость войскъ были причиною, что это предпріятіе нынѣ, при исходѣ своего тридцатилѣтія, оканчивается.»

Но, сравнивая покореніе Алжиріи съ покореніемъ Кавказа, мы съ перваго же взгляда находимъ много обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ первое изъ этихъ предпріятій несравненно легче втораго.

«Горы Атласа, прорѣзывающія Алжирію, не составляютъ горъ первостепенныхъ: въ нихъ высочайшія горы не превышаютъ 7,000 ф., другія имѣютъ только 6,000 и 5,000 ф. и, наконецъ, большая часть заключается между 1,000 и 3,000 ф. Кавказъ же представляетъ одинъ изъ первостепенныхъ хребтовъ, а высшія

вершины его достигаютъ 18 $\frac{1}{2}$ т ф. (Эльбрусъ). Мѣстность Алжиріи, какъ для движеній, такъ и для дѣйствій, далеко не представляетъ тѣхъ затрудненій, какія представляетъ Кавказъ, который, по своей недоступности, едва ли можетъ быть сравниваемъ съ какою бы то ни было странною въ мірѣ (?).

«Въ Алжиріи, съ давнихъ временъ, распространилось одно общее владычество Турокъ (?), и къ приходу Французовъ тамъ было нѣсколько большихъ городовъ, политически и морально подчинившихъ себѣ окрестныя полудикія племена. Таковы были Алжиръ, Константина, Оранъ и Титери. Весьма естественно, что, съ занятіемъ этихъ пунктовъ Французы подчинили, если не прямо своей власти, то своему вліянію, и всѣ зависѣвшія отъ нихъ общества. Ничего подобнаго не было и не могло быть на Кавказѣ. Къ кавказскимъ горцамъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, никакая посторонняя власть никогда не проникала и ни одного подобнаго города не было.» Далѣе авторъ продолжаетъ: «Каковы бы ни были трудности, при занятіи главнѣйшихъ городовъ Алжиріи, во всякомъ случаѣ, овладѣніе ими облегчало для Французовъ покореніе сосѣднихъ частей; но какъ на Кавказѣ такихъ городовъ не существовало, то и подобнаго результатовъ, съ занятіемъ какихъ бы то ни было пунктовъ, мы достигнуть не могли. Алжиръ одной стороною прилегаетъ къ морю, а другой къ степямъ Сагары, и не имѣетъ вблизи ни одного могущественнаго государства, которое бы могло своимъ вліяніемъ парализировать или затруднять Французамъ покореніе Алжиріи. Вблизи Кавказа находятся Турція и Персія, по вѣрѣ, враждебныя Россіи.» И, притомъ, прибавимъ отъ себя, государства, съ которыми Россіи не разъ случалось бороться за обладаніе Закавказьемъ. «Французы начали покореніе Алжиріи—продолжаетъ авторъ—со средствами, сообразными первоначально составленному плану, а Средиземное море постоянно доставляло имъ возможность увеличивать эти средства, сообразно съ необходимостію. Мы начали постоянную войну противъ кавказскихъ горцевъ вслѣдствіе занятія Грузіи, съ первыми, находившимися подъ рукою, средствами, не имѣя самыхъ необходимыхъ свѣдѣній о Кавказѣ, а потому никакого плана и никакой системы дѣйствій заранѣе составить не могли. Самые средства на Кавказѣ, за исключеніемъ лишь послѣднихъ трехъ лѣтъ, увеличивались сообразно крайней необходимости, и въ нихъ постоянно замѣчался большой недостатокъ.» Кромѣ того, прибавимъ, что мѣстныя средства края

почти вовсе не могли удовлетворять потребностей войск кавказскаго корпуса, и правительство вынуждено было постоянно снабжать войска посредствомъ вѣшняго подвоза, сопряженнаго съ огромными трудностями и чрезвычайно тяжелыми издержками, по причинѣ отдаленности источниковъ снабженія отъ Кавказа. «Внимательное обсужденіе трудностей кавказской войны—говоритъ авторъ — весьма естественно вызываетъ два вопроса: во первыхъ, достаточны ли были причины, побудившія Россію начать эту войну, и, во вторыхъ, можно ли надѣяться, что послѣдствія умиротворенія Кавказа доставятъ плоды, соответственные приносимымъ жертвамъ?»

«Указать на прямыя причины, заставившія Россію предпринять умиротвореніе Кавказа, такъ же трудно, какъ вообще трудно указать на прямыя причины важнаго событія въ жизни народа, которое происходитъ вслѣдствіе многихъ причинъ и составляетъ результатъ событій, совершившихся въ продолженіе долгаго времени.

«Сама судьба указываетъ государствамъ путь и развитіе государственныхъ силъ (?). Было бы странно, напримѣръ, еслибъ Англія вздумала основывать свое могущество на развитіи сухопутныхъ силъ (?) и отказалась отъ всемірной торговли и отъ своего владычества на моряхъ, или если бы, напримѣръ, Швейцарія стала искать моря, чтобы создать на немъ флотъ, пожертвовавъ для того мирнымъ развитіемъ своихъ внутреннихъ средствъ, какое дано ей судьбой. Бѣлаго взгляда на исторію нашего отечества достаточно, чтобы убѣдиться, какъ та же судьба тѣсно связала Россію съ Кавказомъ и какъ постоянно распространяла она сюда русское вліяніе.»

Здѣсь мы не вполне согласны съ авторомъ. По нашему мнѣнію, гораздо правильнѣе объяснять историческій ходъ развитія государствъ другими обстоятельствами и условіями, а не опредѣленіями судьбы, этимъ древнимъ наслѣдіемъ отъ вѣковъ давно минувшихъ. Если, съ одной стороны, дѣйствительно, было бы странно, чтобы Англія вздумала основывать свое могущество на развитіи сухопутныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что едва ли бы она въ этомъ успѣла, потому что трудно основать могущество на развитіи военныхъ силъ,—то, съ другой стороны, самое географическое положеніе страны и другія обстоятельства содѣйствовали настоящему развитію Англіи. Намъ кажется, что вообще гораздо естественнѣе, для объясненія «важ-

ныхъ событій въ жизни народа», прибѣгать къ пособию исторiи; а историческiя событiя не появляются случайно, вслѣдствiе необъяснимыхъ указанiй судьбы. Самъ авторъ весьма обстоятельно объясняетъ историческими фактами, почему Россiя съ давнихъ временъ была связана съ Кавказомъ и почему постоянно распространяла сюда русское влiяние.

«Прежде, чѣмъ установился государственный порядокъ въ Русской землѣ — говоритъ г. Романовскiй — молодечество и удалъ, водившiя предковъ нашихъ на Царьградъ, водили ихъ также на Кавказъ. Слова *Касом* (Черкесы) и *Тмутаракань* (Тамань) встрѣчаются на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Тяжкое время владычества Монголовъ окончилось присоединенiемъ къ Россiи царствъ Казанскаго и Астраханскаго и распространенiемъ нашей власти до подножiй Кавказа.

«Но Кавказъ, кромѣ этого силою обстоятельствъ распространяемаго владычества и влiяния, имѣлъ съ Россiею еще и другую связь. Мы видѣли, что христіанство водворилось въ Закавказскомъ краѣ еще задолго до принятiя великимъ княземъ Владимiромъ св. крещенiя. Съ первыхъ же временъ распространенiя христіанской вѣры въ нашемъ отечествѣ, представительница православiя на Кавказѣ, Грузiя старалась войти въ союзъ и въ сношенiя съ Россiею (*). Впослѣдствiи, когда Византiйская имперiя пала, христіане Кавказа, угнетаемые мусульманами, стали искать въ Россiи помощи. Грузинскiе цари постоянно обращались къ царямъ московскимъ съ просьбой о покровительствѣ и неоднократно предлагали свое подданство.»

Мы считаемъ подобныя указанiя гораздо болѣе понятными, чѣмъ ссылки на судьбу.

«Съ тѣхъ поръ — продолжаетъ авторъ — какъ внутреннее развитiе Россiи дозволило ей принять дѣятельное участiе въ судьбѣ Кавказскаго края, это участiе уже не прекращалось.»

Первыя столкновенiя Русскихъ на Кавказѣ происходили на сѣверной его части и начались еще въ XVI столѣтiи. При царѣ Иванѣ Грозномъ, вскорѣ по присоединенiи къ Россiи царства Казанскаго и Астраханскаго, на Терекѣ былъ заложенъ *Терскiй городъ*, въ 1568 году. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что поселенiе на Терекѣ, гдѣ было основано Терское казачье войско, служило съ

(*) Между прочимъ, на примѣръ, знаменитая въ грузинскихъ лѣтописяхъ царица Тамара имѣла мужемъ одного изъ сыновей Андрея Боголюбскаго.

Прим. авт.

давнихъ поръ убѣжищемъ для русскихъ выходцевъ и бѣглецовъ разнаго рода. Замѣчательно, что распространенію русской области на югъ и на востокъ содѣйствовали постоянно удальцы, оставившіе произвольно предѣлы государства, съ различными цѣлями и побужденіями. Когда крымскій ханъ Казы-Гирей, въ 1591 году, войдя въ переговоры съ московскимъ государемъ Феодоромъ Ивановичемъ относительно заключенія вѣчнаго мира, потребовалъ отъ своего имени и по повелѣнію турецкаго султана, въ числѣ другихъ условій, чтобы сведены были терскіе и донскіе казаки, то присланному гонцу отвѣчали: «Это дѣло недостаточное, государь нашъ въ этомъ Крымскаго и Турскаго не послушаетъ, мало ль что Турскій пишетъ! прежде писывалъ Турскій о Казани и Астрахани, и тому чему вѣрить? какъ было тому статья? А теперь также не схожее дѣло, Терскаго города государю нашему не снашивать (т. е. не учтожать), Терскій городъ поставилъ государь въ своей отчинѣ (?), въ Кабардинской землѣ, для того: изъ давнихъ лѣтъ кабардинскіе Черкасы хохолопи государевы; а бѣжали изъ рязанскихъ предѣловъ (?) въ горы, и служили отцу государя нашего и теперь служатъ; они били челомъ, чтобы для ихъ обереганья городъ велѣлъ на Терекѣ поставить, а теперь государю нашему отъ своей вотчины какъ отступиться?» При этомъ считаемъ весьма любопытнымъ привести часть отвѣта гонца относительно требованія о Терскомъ городѣ: «Царь (т. е. крымскій ханъ) со мною приказывалъ тайно, чтобы государь города сносить и казаковъ сводить съ Терки (Терека) не велѣлъ, только бѣ велѣлъ *помянуть* и къ царю (т. е. хану) отписать, что Терку очистить, а царь (т. е. ханъ) объ этомъ отпишетъ къ Турскому (турецкому султану), чтобы Турскій далъ покой, на государя ходить ему не велѣлъ....»

Въ то же время, когда гонецъ крымскаго хана обращался къ сильному, въ то время, Борису Годунову, то тотъ, отвѣчавъ ему отказомъ относительно Терска, прибавилъ весьма оригинальный доводъ: «Самъ разсуди: если кто поставитъ деревеньку, хотя и не на своей землѣ, да устроить ее, то даромъ не отдастъ безъ крови да безъ бою (*).» Въ 1593 году, во время переговоровъ русскихъ пословъ съ ханскимъ уполномоченнымъ, на требованія послѣдняго, чтобы государь велѣлъ казаковъ съ Дона свести, а къ Дербенту и Шемахѣ дорогу велѣлъ очистить, русскій уполномоченный, бояринъ князь Феодоръ Ивановичъ Хворостининъ,

(*) См. Соловьева — «Исторія Россіи» и проч. Томъ VIII, стр. 353 и 354.

отвѣчалъ: «На Дону живутъ казаки воры, бѣглые люди, и, живучи на Дону, сложась съ запорожскими Черкасами, Азовъ тѣснить безъ государева вѣдома и государевыхъ посланниковъ не слушаютъ. А теперь, какъ вашъ государь съ нашимъ государемъ укрѣпятся, то государь нашъ пошлетъ на Донъ рать свою и велитъ тѣхъ воровъ, донскихъ казаковъ, перехватать и перевѣшать, остальныхъ съ Дону сослать, и впередъ на Дону не будетъ ни одного человѣка; а на Терку государь пошлетъ воеводамъ крѣпкій наказъ, чтобъ турецкимъ людямъ тѣсноты и помѣшки нигдѣ не дѣлали (*).»

Турецкіе султаны Амуратъ и Магометъ III, не довольствуясь доводами московскаго двора, продолжали требовать, чтобы, кромѣ сведенія казаковъ съ Дона, была уничтожена московская крѣпость на Терекѣ. Но здѣсь мы обратимся нѣсколько назадъ. Послѣ взятія Астрахани, Московское государство должно было войти въ сношенія съ народами кавказскими, которые, враждуя другъ съ другомъ, боясь Турокъ и Крымцевъ, требовали его покровительства, предлагали подданство. Царь Иванъ IV вошелъ въ родственныя союзы съ черкесскими владѣтелями и построилъ крѣпость на Терекѣ, но вскорѣ принужденъ былъ оставить ее, по требованію турецкаго султана. Въ 1586 году, при Феодорѣ, въ Москву прибыли послы отъ кахетинскаго князя Александра, который, угрожаемый съ одной стороны Турками, съ другой Персами, «билъ челомъ, со всѣмъ народомъ, чтобъ единственный православный государь принялъ ихъ въ свое подданство, спасъ ихъ жизнь и душу. Царь принялъ Александра въ подданство: отправлены были въ Кахетію учительные люди, монахи, священники, иконописцы, чтобъ возстановить чистоту христіанскаго ученія и богослуженія среди народа, окруженнаго иновѣрцами; дана была и помощь матеріальная: отправленъ снарядъ огнестрѣльный, Терская крѣпость исправлена и занята стрѣльцами. Изъ Москвы требовали, чтобы Александръ доставилъ въ эту крѣпость запасы на 2,500 человѣкъ; но онъ отказался: «для дальнѣйшей дороги, для горъ высокихъ, да и запаса собрать столько нельзя». Московскому войску легко было защитить Александра отъ владѣльца Тарковскаго (Шевкала (?) Шамхала?), сдѣлать послѣдному утѣшеніе великое и отнять у него рѣку Койсу, вслѣдствіе чего онъ и билъ челомъ государю; но нельзя было рѣшиться за Кахетію вступить въ явную борьбу

(* Тамъ же, стр 355.

съ страшными Турками. Турки требовали отъ Александра запасовъ и пропуска войскамъ ихъ чрезъ его землю въ Дербентъ и Баку; Александръ отвѣчалъ: «съ запасомъ чрезъ свою землю не пушу и своихъ запасовъ не дамъ: я холопъ царя русскаго, а турскаго не боюсь». Но изъ Москвы дали ему знать, чтобъ онъ жилъ съ Турскимъ, *переманивая* его, пока промыслъ (?) надъ нимъ учинится. Александръ видѣлъ, что чрезъ подданство Москвъ онъ не достигъ главной цѣли своей, не можетъ надѣяться скорой и сильной обороны, видѣлъ, что ему совѣтуютъ, по прежнему, какъ слабому, хитрить съ сильными, переманивать ихъ, и потому не могъ быть усерденъ. Онъ билъ челомъ, чтобъ государь опять послалъ на Шевкала большую рать, взялъ Тарки и посадилъ тутъ изъ своихъ рукъ свата Александрова, Крымъ-Шевкала. Изъ Москвы отвѣчали, что рать будетъ отправлена, но чтобъ и онъ, съ своей стороны, послалъ туда же свою рать, съ сыномъ и сватомъ. Московскій воевода князь Хворостининъ, дѣйствительно, вошелъ въ землю Шевкалову и взялъ Тарки, но понапрасну дожидался полковъ кахетинскихъ; вмѣсто нихъ явились непріатели, разные горскіе народцы. Хворостининъ принужденъ былъ разорить Тарки и выступить оттуда; но онъ возвратился на Терекъ съ немногими людьми: 3,000 человекъ было у него истреблено горцами. Было ясно, что Московское государство, въ концѣ XVI вѣка, еще не могло поддерживать такихъ отдаленныхъ владѣній; но Феодоръ уже принялъ титулъ государя Земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской Земли, черкасскихъ и горскихъ князей (*).

Такимъ образомъ, мы видѣли, какъ завязались первыя сношенія Россіи съ Кавказскимъ краемъ, и съ намѣреніемъ приводимъ здѣсь нѣкоторыя подробности, которыя не вошли въ сочиненіе г. Романовскаго, по самому плану и программѣ его труда, имѣя въ виду показать, какія обстоятельства постепенно связывали Россію съ Кавказскимъ краемъ и положили начало прочнаго водворенія вліянія и власти Россіи въ этой странѣ.

«Мы уже видѣли — продолжаетъ авторъ, изъ сочиненія котораго взяты предъидущія свѣдѣнія (**) — что Александръ Ка-

(*) Тамъ же, стр. 368—369. Источники указаны въ примѣчаніи (100). Дѣла грузинскія. № 1-й въ столбцахъ, годъ 1596 и 1597. Лѣтопись о мятежникахъ, стр. 36. Акты Истор. I, № 227.

(**) См. Соловьевъ: «Исторія Россіи» и проч. Т. VIII, стр. 41—72. Источники указаны въ примѣчаніи (29). Арх. Мин. И. Д. Бумага о пріѣздѣ грузинскихъ пословъ и донесеніе московскаго посланника Татищева; Лѣтопись о мятежникахъ, стр. 68.

хетинскій не могъ быть усерденъ къ Москвѣ, изъ которой давали ему знать, чтобъ онъ не надѣялся скорого освобожденія отъ страшныхъ магометанскихъ сосѣдей, и *маниль* султана. Александръ горько жаловался, что ошибся въ своихъ надеждахъ. Преждевременное вмѣшательство въ дѣла Закавказья обошлось дорого Москвѣ уже при Θεодорѣ; еще дороже обошлось въ царствованіе Бориса (Годунова): уполномоченный Москвою хитрить, Александръ, признавая себя слугою Бориса, сносился, въ то же время, съ сильнымъ Аббасомъ Персидскимъ и позволилъ сыну своему Константину принять магометанство; но и это не помогло: Аббасъ хотѣлъ совершеннаго подданства Кахетіи и велѣлъ отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москвѣ. Преступленіе было совершено. Съ другой стороны, въ Дагестанѣ, Русскіе, подъ начальствомъ воеводъ Бутурлина и Пещеева, вторично утвердились было въ Таркахъ; но Турки вытѣснили ихъ отсюда, а Кумыки перерѣзали, при отступленіи, послѣ отчаяннаго сопротивленія: 7,000 русскихъ пало вмѣстѣ съ воеводами, и владычество Москвы исчезло въ этой странѣ (1605 г.).»

Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ оговорить, что терское войско и городъ Терскъ, возстановленный при царѣ Θεодорѣ, оставались, по прежнему, подъ владѣніемъ Русскихъ. Намъ извѣстно, что, во время смутъ, раздравшихъ Россію въ теченіе періода самозванцевъ, терскіе казаки собирались «идти на рѣку Куру и грабить турецкія области, а въ случаѣ неудачи — предложить услуги свои персидскому шаху Аббасу. Но скоро ихъ кто-то надоумилъ, что гораздо выгоднѣе, подъ знаменами самозванца, разрушить Московское государство и получить такую же честь, какую Донцы и Черкесы получили отъ Лжедмитрія». Они рѣшились выставить искателя престола и стали разглашать, что, въ 1592 году, царица Ирина (супруга Θεодора) родила сына Петра, котораго Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою Θεодосіею, скоро послѣ того умершею. Этимъ подставнымъ лицомъ былъ нѣкто Илья, молодой казакъ родомъ изъ Мурома. Терскій воевода, Петръ Головинъ, узнавъ о появленіи самозванца, уговаривалъ казаковъ выдать его; но они не послушались и, спустившись на стругахъ до Каспійскаго моря, сосредоточились на островѣ, лежавшемъ противъ устья р. Терека. Головинъ упрашивалъ казаковъ не покидать беззащитныхъ границъ и оставить хоть половину на Терекѣ; но казаки, въ числѣ 4,000, отправились къ Астрахани,

куда ихъ не впустили. Они поплыли вверхъ по Волгѣ и занимались разбоями. Но извѣстно, что Лжедмитрій, узнавшій объ этомъ, приглашалъ своего псевдо-племянника Петра въ Москву, найдя его уже въ Самарѣ (*).

Въ 1614 г., во время неистовствъ Заруцкаго въ юго-восточныхъ предѣлахъ Россіи, Терскъ отложился отъ него, вслѣдствіе вліянія воеводы Головина. Заруцкій уже имѣлъ намѣреніе поднять Кабарду на Русь и собрался овладѣть Терскомъ; но воевода Головинъ, извѣщенный объ этомъ, отправилъ подъ Астрахань, мѣстопробываніе Заруцкаго, стрѣлцаго голову Василя Хохлова, которому, при пособіи возставшихъ противъ своего притѣснителя Астраханцевъ, удалось захватить Заруцкаго.

Во время царствованія Михаила Феодоровича, московское правительство требуетъ уже отъ персидскаго шаха, чтобъ тотъ не опустошалъ Грузіи. Требованіе это царь заявилъ въ качествѣ номинальнаго повелителя Грузіи. Шахъ отвѣчалъ, что онъ готовъ уступить Грузію московскому государю и возвратить грузинскому царю Теймуразу его семейство, если тотъ оставитъ сторону Турокъ. Объ этомъ было объявлено Теймуразу послу.

Въ 1636 году, прибылъ въ Москву изъ Грузіи архимандритъ Никифоръ, который объявилъ о желаніи Теймураза быть въ подданствѣ у государя, вслѣдствіе чего, послѣ долгихъ разсужденій и освѣдомленій, весною 1637 года, въ Грузію было послано посольство, для приведенія Теймураза «къ крестному цѣлованію». Посольство нашло страну опустошенною Персіанами; у Теймураза оставалась во владѣніи одна только Кахетія. Теймуразъ цѣловалъ крестъ царю Михаилу, при чемъ просилъ, чтобъ царь приказалъ построить крѣпость въ горахъ, для удержанія Кумыковъ отъ нападенія на Грузію. Посланный съ отвѣтомъ, въ 1641 году, московскій посолъ объявилъ, что, въ настоящее время, крѣпости построить никакъ нельзя: вѣроятно, въ Москвѣ еще помнили несчастную участь русскаго войска, погибшаго въ горахъ (**).

Но обратимся къ нашему автору, еще разъ повторивъ, что связь Россіи съ Кавказскимъ краемъ не была вызвана одною лишь случайностію, а получила свое начало вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ и единовѣрія, которое духовно связывало Закавказье съ сильною сѣвѣрною державою.

(*) См. тамъ же, томъ VIII, стр. 144—145.

(**) Тамъ же, томъ IX, стр. 311—312.

Власть Россіи на сѣверномъ Кавказѣ, въ началѣ XIII столѣтія, какъ уже мы видѣли, поддерживалась только на Терекѣ, гдѣ Терскій городокъ, или Терки, по прежнему, находился въ рукахъ Россіи. Извѣстный путешественникъ Адамъ Олеарій, посѣтившій, въ 1636 году, Кавказскій край, описываетъ Терки, какъ значительную крѣпость, вооруженную большими и малыми чугунными пушками, съ гарнизономъ въ 1.500 человекъ.

«Несмотря на существованіе Терскаго городка—говорить г. Романовскій — правительственныя распоряженія относительно Кавказа, въ продолженіе всего XVII столѣтія, ограничивались поддержаніемъ этой крѣпости. Владычество на Кавказѣ, въ это время, не составляло еще государственной потребности для Россіи, и вниманіе нашего правительства было занято другими, болѣе необходимыми вопросами. Но существованіе русскаго укрѣпленнаго пункта далеко впередъ (южныхъ границъ) тогдашняго Россійскаго государства, построеннаго въ мѣстахъ привольныхъ, само собою вызывало изъ Россіи добровольныхъ переселенцевъ. Навлекшіе на себя гнѣвъ правительства, недовольные правительственными распоряженіями, старовѣры и т. п. сами уходили на Кавказъ и образовали тамъ новыя поселенія. Таковы, напримѣръ, были гребенскіе казаки, жившіе на горахъ впередъ Терскаго городка и вблизи Андреевой деревни.

«Петръ Великій, предпринявъ походъ на Кавказъ въ видахъ распространенія русскаго вліянія на востокъ (?), въ то же время, положилъ начало правильному устройству нынѣшней кавказской казачьей линіи. По распоряженію Петра, вмѣсто Терскаго городка, обращеннаго въ редутъ, построена крѣпость *Св. Креста*, на р. Сулакѣ, и образовано *аграханское войско*, поселенное вдоль залива того же имени и по р. Сулаку; гребенскіе же казаки переселены на мѣста, нынѣ ими занимаемая. Но главнѣйшимъ событіемъ при Петрѣ Великомъ, въ отношеніи Кавказскаго края, былъ его походъ въ 1722 г., когда онъ, въ видахъ овладѣнія побережьями Каспійскаго моря, для проложенія торговаго пути въ Закавказье, Персію и далѣе въ Индію, вступилъ въ Прикаспійскій край. Какъ извѣстно, знакомство Русскихъ съ Дагестаномъ началось еще съ конца XIII столѣтія, когда русскіе князья, въ 1277 году, въ исполненіе воли Монголовъ, ходили туда съ Татарами, завоевали городокъ Деяковъ (?) и сожгли его. При этомъ мы уже упоминали о походахъ въ Дагестанъ русскихъ войскъ при Годуновѣ. При вступленіи Петра Великаго въ При-

каспійскій край, къ нему явился шамхаль тарковскій, еще въ 1720 году принявшій подданство Россіи, съ изъявленіемъ своей покорности; но прочіе владѣтели враждебно встрѣтили Русскихъ. Петръ разбилъ ихъ, овладѣлъ Дербентомъ, но, по причинѣ недостатка въ запасахъ, принужденъ былъ приостановить дальнѣйшія дѣйствія. Въ слѣдующемъ, 1723 году, успѣшныя дѣйствія генерала Матюшкина заставили Персію уступить Россіи все побережье Дагестана и персидскія области: Гилянъ, Мазандеренъ и Астрабадъ. Но въ 1734 году, въ силу заключеннаго съ Персією трактата, Россія принуждена была отказаться отъ всѣхъ владѣній на Каспійскомъ морѣ до устья р. Терека. Рѣка эта была принята пограничною чертою, и всѣ пункты, занятые на правомъ ея берегу, оставлены. Впрочемъ; устройство и усиленіе казачьей линіи по Тереку со времени Петра Великаго не прекращалось. При Аннѣ Іоанновнѣ, была заложена новая крѣпость Кизляръ и учреждено кизлярское войско. Впрочемъ, горскія племена, ближайшія къ русской границѣ, какъ, напримѣръ, Кумыки, не переставали считать себя подвластными Россіи.

Въ царствованіе Екатерины II, наше правительство снова обращаетъ особенное вниманіе на Кавказъ. Вся кавказская линія была заселена казаками, переселенными сюда съ Волги, Дона и изъ Малороссіи; изъ Запорожцевъ же сформировано нынѣшнее черноморское войско. Для обезпеченія линіи было возведено нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ. Но важнѣйшимъ событіемъ было принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи, объявленное въ 1783 году. Турція, въ силу кучукъ-кайнарджискаго мира, признавая Гурію и Имеретію независимыми, отказалась отъ видовъ на Грузію; но Персія рѣшилась силою подчинить себѣ эту страну. Въ 1795 году, Персы вторгнулись въ Закавказье и разорили Грузію, которая обратилась къ Россіи съ просьбою о помощи. Еще въ 1770 году русскія войска переходили Кавказскій хребетъ, подъ начальствомъ графа Тотлебена, для защиты Имеретіи. Въ 1796 году, вслѣдъ за полученною мольбою о помощи, сильный экспедиціонный корпусъ, подъ начальствомъ графа Зубова, вступилъ въ Прикаспійскій край, покорилъ Дербентъ, Баку, Кубу и отдѣльныя ханства, лежавшія между Каспійскимъ моремъ и Грузіею. Но, вслѣдствіе кончины Императрицы, русскія войска возвратились на линію, и новая опасность угрожала Грузіи, которая усилила свои просьбы о

присылкѣ помощи. Въ 1798 году скончался царь грузинскій Ираклій II, которому наследовалъ Георгій XIII, усилившій просьбы о присылкѣ войскъ и о принятіи Грузіи въ подданство Россіи. Вслѣдствіе этого, въ концѣ 1799 года, было повелѣно часть русскихъ войскъ послать съ Кавказской линіи въ Тифлисъ, для постояннаго пребыванія въ Грузіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, упраздненный фортъ, лежавшій у подножія Кавказскаго хребта, для обезпеченія сообщеній русскихъ войскъ съ Линіею, обратитъ въ крѣпость, названную *Владикавказомъ*. Между тѣмъ, въ Дагестанѣ, еще въ 1788 г., шамхаль тарковскій вновь призналъ надъ собою власть Россіи; примѣру его послѣдовалъ и ханъ мекхулинскій. Въ 1796 году, прочія ханства также изъявили свою покорность, которую подтвердили во время утвержденія русской власти въ Закавказьѣ. Въ 1800 году, одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей въ Дагестанѣ, Омеръ-ханъ Аварскій, подстрекаемый Персіею и грузинскимъ царевичемъ Александромъ, предпринялъ вступленіе въ Грузію, но былъ на голову разбитъ малочисленнымъ русскимъ отрядомъ на р. Іорѣ. Вскорѣ затѣмъ, въ декабрѣ 1800 года, скончался грузинскій царь Георгій XIII, и Грузія была присоединена къ Россіи. 12 сентября 1801 года, обнародованъ Императоромъ Александромъ I манифестъ о принятіи Грузіи въ подданство Россіи. Въ 1803 году покорился Россіи ханъ аварскій, при чемъ слѣдуетъ сказать, что, по гюлистанскому миру 1813 года, Персія отказалась отъ всякихъ притязаній на Дагестанъ.

Такимъ образомъ, Россія, кромѣ всякихъ другихъ стремленій, политическихъ и торговыхъ, вмѣстѣ съ водвореніемъ въ Закавказьѣ, взяла на себя трудную обязанность защищать свои закавказскія владѣнія отъ враждебныхъ Турокъ и Персіанъ, съ одной стороны, и дикихъ горскихъ племенъ—съ другой; кромѣ того, учрежденіе Кавказской Линіи и развитіе ея средствъ было предпринято въ видахъ защиты южныхъ предѣловъ Россіи отъ враждебныхъ горскихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверныхъ скатахъ Кавказскаго и Андійскаго хребтовъ. Но при этомъ считаемъ необходимымъ сказать, что вся масса враждебныхъ намъ горскихъ племенъ, съ первыхъ временъ водворенія Русскихъ на Закавказьѣ, была раздѣлена на двѣ половины: западную и восточную, военно-грузинскою дорогою, прикрытою укрѣпленіями и, отчасти, обезпеченною покорными намъ племенами, населяющими середину Кавказскаго хребта.

Мы не будемъ слѣдить за авторомъ, при историческомъ изложеніи событій Кавказской войны, перемежающихся кровавыми, но побѣдоносными столкновениями Россіи съ Турціею и Персіею,—событій, иногда принимавшихъ для нашего владычества на Кавказѣ весьма критическій характеръ, но всегда запечатлѣнныхъ мужествомъ и храбростію русскихъ войскъ, образовавшихъ особый военный типъ кавказскихъ воиновъ, покрывавшихъ себя славою и внесшихъ въ лѣтописи исторіи русской арміи блестящіе и незабвенные подвиги. Подобная попытка могла бы завлечь насъ слишкомъ далеко. Отдавая дань полнаго уваженія труду г. Романовскаго, вполне исполнившаго принятую на себя задачу, мы душевно пожелаемъ, чтобы исторія Кавказской войны была разработана съ большею подробностію, въ болѣе обширномъ объемѣ: этого требуютъ незабвенные подвиги русской арміи, въ этомъ нуждается военное искусство, которое можетъ заимствовать изъ описанія Кавказской войны полную теорію «горной войны».

Но, желая познакомить ближе нашихъ читателей съ книгою г. Романовскаго, мы приведемъ здѣсь изъ его сочиненія краткій обзоръ различныхъ системъ дѣйствій, употреблявшихся на Кавказѣ въ прежнее время, до назначенія главнокомандующимъ кавказскою арміею князя Барятинскаго, и упомянемъ о новомъ планѣ дѣйствій знаменитаго фельдмаршала, увѣнчавшемся блистательными результатами умиротворенія Кавказа.

Показавъ, что недостаточное знакомство съ Кавказомъ, при чрезвычайной трудности его изученія, представляетъ одно изъ важныхъ затрудненій въ кавказской войнѣ, авторъ продолжаетъ: «для умиротворенія Кавказа, гдѣ приходилось бороться и съ шѣстностію, труднѣе которой не встрѣчается въ мірѣ (?), и съ народонаселеніемъ, воинственнѣе котораго не представляетъ исторія, и наконецъ съ возможностью удовлетворить средствамъ, требовавшимся для кавказской войны, давно уже обременяющей Россію, по самой сущности вопроса, нельзя было рѣшить его какимъ нибудь однимъ способомъ, а необходимо было придумать нѣсколько наиболѣе рациональныхъ способовъ, привести ихъ въ стройную систему и затѣмъ направить къ одной главной цѣли. Между тѣмъ, изслѣдователи вопроса умиротворенія, увлекаясь создаваемыми теоріями, на одноѣ способѣ основывали цѣлыя системы и полагали, будто исключительно въ этихъ системахъ заключается рѣшеніе вопроса. Разногласія при этомъ

доходили до самой крайней степени. Въ то время, когда одни увѣряли, что только оружіемъ можно умиротворить Кавказъ, другіе доказывали вредъ употребленія оружія и утверждали, что главнымъ средствомъ должны служить мирныя и торговыя сношенія, развитіе въ кавказскихъ племенахъ потребностей роскоши, смягченіе ихъ нравовъ и т. п. Тогда какъ одни старались доказать, что необходимо рубить просѣки и строить передовыя укрѣпленія, другіе говорили, что просѣки и укрѣпленія не ведутъ ни къ чему и нужны одни поселенія и поселенія.

Далѣе авторъ говоритъ, что вопросъ умиротворенія не могъ быть рѣшенъ иначе, какъ нѣсколькими способами, на которыхъ слѣдовало основать систему дѣйствій, сообразуясь съ мѣстными условіями. Главными способами, на которыхъ иногда создавались цѣлыя системы покоренія, были слѣдующіе: 1) мирныя и торговыя сношенія, 2) поселенія, 3) устройство сообщеній, рубка просѣкъ и постройка передовыхъ укрѣпленій и 4) военныя дѣйствія. Мы не будемъ слѣдить за разборомъ авторомъ поименованныхъ способовъ и приведемъ лишь въ общихъ чертахъ его заключенія. Относительно мирныхъ и торговыхъ сношеній, по преимуществу имѣвшихъ своихъ поборниковъ въ лицахъ, мало знавшихъ Кавказъ, авторъ заключаетъ, что способъ этотъ былъ весьма полезенъ какъ второстепенное и вспомогательное средство. Поселенія, по мнѣнію автора, были весьма полезны на Кавказѣ, хотя и требовали огромныхъ расходовъ и представляли большія затрудненія. Казачьи поселенія, получившія весьма обширное развитіе на Кавказской Линіи, несмотря на воинственность поселенцевъ, при сосѣдствѣ съ горскими племенами, требовали обезпеченій въ передовыхъ линіяхъ, прикрытыхъ укрѣпленіями и просѣками, и, въ случаѣ несоблюденія этого правила, поселенцы были обречены на весьма напряженное и стѣсненное положеніе, вызывавшее необходимость присутствія значительныхъ отрядовъ войскъ, въ особенности въ болѣе опасныя, по мѣстнымъ условіямъ края, времена года. Польза устройства дорогъ, просѣкъ и укрѣпленій, введенныхъ въ первый разъ при знаменитомъ Ермоловѣ, не требуетъ доказательствъ. Но при этомъ авторъ замѣчаетъ, что устройство дорогъ въ горахъ требовало огромныхъ издержекъ, рубка просѣкъ — большаго числа рабочихъ рукъ, укрѣпленія — достаточно сильныхъ горнизоновъ, уменьшавшихъ численный составъ дѣйствующихъ войскъ, а по-

тому все это могло быть предприимваемо лишь съ достаточно важными цѣлями.

Вообще, по справедливому заключенію автора, всѣ поименованные средства не могли составлять самостоятельныхъ способъ, а были полезны только какъ пособія и средства второстепенныя. Болѣе же самостоятельное средство составляли военныя дѣйствія, которыя имѣли также большое число поборниковъ, и даже такихъ, по мнѣнію которыхъ слѣдовало привести горцевъ къ безусловной покорности, обезоруженію ихъ, и проч.

«Дѣйствительно — говорить авторъ — судя по историческому развитію кавказскихъ горцевъ и по тому образу жизни, съ которымъ свыклись они въ продолженіе вѣковъ, умиротворить Кавказъ безъ употребленія оружія едва ли было возможно. Нельзя не думать даже, что, такъ или иначе велась бы Кавказская война, являлся бы план не являлся мюридизмъ, во всякомъ случаѣ, горцы безъ крайности не изъявили бы покорности, а до крайности они не могли быть доведены иначе, какъ военными дѣйствіями. Но если трудно себѣ представить покореніе кавказскихъ племенъ безъ употребленія оружія, то также нелегко себѣ вообразить, какъ и когда бы совершилось это покореніе, если бы дѣйствія наши были основаны исключительно на оружіи. Если бы мы, вовсе отказавшись отъ средствъ мирныхъ, не озаботились устроить судьбу покоряемыхъ горцевъ въ такомъ видѣ, чтобы она не казалась имъ слишкомъ стѣснительной, а поставили себѣ единственной цѣлью требовать безусловной покорности, обезоруженія и т. п., или, другими словами, дѣйствовать на горцевъ угрозами и чувствомъ страха, то мы привели бы кавказскія племена въ положеніе уже не крайнее, а безвыходное, и, конечно, вызвали бы и съ ихъ стороны сопротивленіе самое упорное.

«Къ чести человѣчества, всѣ системы покоренія и управленія, основанныя исключительно на страхъ и мѣрахъ излишне стѣснительныхъ, никогда и нигдѣ не приносили результатовъ впрочныхъ и благотворныхъ.»

Въ доказательство своего, достойнаго полнаго уваженія, заключенія, авторъ приводитъ въ примѣръ Англійскую Индію, въ которой, несмотря на благоразумныя (?) дѣйствія Англичанъ, послѣднія событія заставили Англію значительно смягчить свое индѣйское управленіе, которое, впрочемъ, приба-

внѣ отъ себя, было далеко не мягко, въ чемъ сознаются сами Англичане. Русское правительство, по словамъ автора, всегда предпочитало мѣры человѣколюбивыя и старалось избѣгать кровопролитій.

Далѣе г. Романовскій говоритъ о родѣ военныхъ дѣйствій, употреблявшихся на Кавказѣ, подраздѣляя ихъ на оборонительныя и наступательныя. Оборонительнымъ дѣйствіямъ авторъ приписываетъ, кромѣ общихъ невыгодныхъ свойствъ этого рода дѣйствій, ту особенность, которая постоянно проявлялась на Кавказѣ: это, именно, внушеніе въ горцахъ самоувѣренности и убѣжденія въ безсилія Русскихъ. Мнѣніе свое авторъ подтверждаетъ нѣсколькими примѣрами, которые вполне подкрѣпляютъ справедливость его заключенія. Говоря же о наступательныхъ дѣйствіяхъ, чтобы яснѣе показать различіе въ образѣ дѣйствій въ лѣсной Чечнѣ и въ Нагорномъ Дагестанѣ, г. Романовскій приводитъ извлеченіе изъ записки знаменитаго кавказскаго героя — генерала Пассека. «Главные трудности наступательныхъ дѣйствій — говоритъ авторъ — въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ, въ запискѣ генерала Пассека, выражены такъ рельефно и съ такимъ искусствомъ, что для всѣхъ, кто не имѣлъ случая ее читать, приводимая выписка, вѣроятно, будетъ любопытна.» Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, мы считаемъ необходимымъ также привести ее здѣсь, будучи убѣждены, что извлеченіе это вполне познакомило читателей съ характеромъ военныхъ дѣйствій Русскихъ и горцевъ, и съ тѣми трудностями, которыя встрѣчали постоянно, и во время послѣднихъ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ, непобѣдимые кавказцы.

«Нашъ отрядъ—пишетъ Пассекъ—двигается по Чечнѣ: впереди авангардъ, потомъ главные силы, при нихъ подвижной паркъ, подвижной транспортъ, обозъ и наконецъ арріергардъ. Главная колонна справа и слѣва прикрыта особыми колоннами съ непрерывною цѣпью отъ авангарда до арріергарда; кавалерія, смотря по мѣстности, съ боку или въ серединѣ отряда.

«Въ открытыхъ мѣстахъ непріятель какъ будто не существуетъ; но, только вступаемъ въ лѣсъ, начинается перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, чаще въ боковыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ арріергардѣ. Чѣмъ пересѣченнѣе мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе перестрѣлка. Загораются неумолкаемая канонада, а непріятеля почти нѣтъ; видѣнъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ, и все это исчезаетъ мгновенно. Но когда ослабѣетъ ране-

ыми цѣпъ или какая нибудь часть, когда разстроится арріергардъ или боковая колонна, вдругъ являются сотни шашекъ и кинжаловъ и съ гикомъ кидаются на разстроенныхъ солдатъ. Если встрѣтятъ въ нашихъ стойкость, все исчезаетъ между пнями и деревьями, и снова открывается убійственный огонь. Этотъ маневръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не окончится лѣсъ, или сами Чеченцы не понесутъ значительнаго урона, или наши уже не встрѣтятъ (ихъ) штыками, и тогда начинается ужасное бѣдствіе. Чеченцы, какъ тигры, безпощадны и быстры, и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить истребленіе. Въ такихъ дѣлахъ, весьма естественно, потери Чеченцевъ, въ сравненіи съ нашими, ничтожны, особенно принявъ во вниманіе ловкость ихъ и искусство пользоваться каждымъ пнемъ.

«Въ Чечнѣ непріятель не видимъ; но вы можете встрѣтить его за каждымъ изгородомъ, кустомъ, въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли нашъ, гдѣ стоитъ отрядъ; сзади, съ боковъ, вездѣ—непріятель. Нашъ отрядъ, какъ корабль, все разрѣжетъ, куда ни идетъ, и нигдѣ не оставитъ слѣда, гдѣ прошелъ. Ни слѣдовъ опустошенія, ни слѣдовъ покорности.

«Въ горахъ Дагестана, нашъ отрядъ имѣетъ авангардъ, арріергардъ и главную колонну; боковыхъ цѣпей и боковыхъ колоннъ не существуетъ, по затруднительности доступовъ справа и слѣва. Въ случаяхъ опасныхъ, занимаютъ отдѣльными частями высоты, командующія дорогою. Въ важныхъ пунктахъ, при входахъ и выходахъ изъ ущелій, при перевалахъ черезъ хребты, при переправахъ, оставляютъ особые отряды, для обезпеченія сообщенія и свободнаго отступленія.

«Непріятель преграждаетъ ущелья, подъемы горъ, укрѣпляетъ переправы, аулы и всегда встрѣчаетъ насъ прямо. Въ большихъ дѣлахъ каждый пунктъ подъ наблюденіемъ муртазагетовъ, или избранныхъ мюридовъ, и всѣ важнѣйшіе завады, части ауловъ, башни занимаются извѣстными лицами и обозначаются ихъ значками.

«Легче имѣть дѣло со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ вольнаго ополченія, которое будетъ подъ предводительствомъ самыхъ храбрыхъ горцевъ, нежели атаковать нѣсколько сотъ мюридовъ, окружающихъ извѣстное лицо и по силамъ избравшихъ позицію. Первая искусно направленная и рѣшительная атака обращаетъ въ бѣгство толпы вольнаго ополченія, а муртазагеты-

юрисды, раскиданные по заваламъ, должны слѣдовать за бѣгущими или сдѣлаться жертвою своего фанатизма.

«Если же приходится имѣть дѣло съ одними юрисдами, то каждый пунктъ надо брать упорнымъ боемъ; огонь непріятеля бываетъ самый убійственный. Тогда уже не стрѣляютъ въ толпу, но всегда прицѣльно; нѣсколько ружей наведено на каждый проулокъ, каждый уголъ, изворотъ, тропинку, откуда могутъ подойти наши солдаты. Кто же покажется, дѣлается жертвой. Это наводитъ страхъ на самыхъ смѣлыхъ. Хорошо, если мѣстность позволяетъ броситься цѣлой колонной; а то нѣтъ возможности атаковать съ успѣхомъ. Хладнокровіе и самоотверженіе защитниковъ бываютъ изумительны: окруженные со всѣхъ сторонъ, они поражаютъ всѣхъ, кто ни приблизится, и гибнуть, не думая о пощадѣ.

«Одна храбрость съ нашей стороны, въ подобномъ случаѣ, ни къ чему не служитъ и можетъ быть пагубна для отряда.

«Впрочемъ, надобно сказать, что если дѣло идетъ и съ большимъ скопищемъ, гдѣ главное число непріятеля — поголовное ополченіе, но наша атака будетъ не искусна, то непріятель, послѣ первой удачи, ободряется до дерзости, и потеря наша можетъ быть весьма значительна, а успѣхъ обратится въ совершенное пораженіе.

«Упущеніе обхода, незанятіе заблаговременно какой нибудь высоты, какой нибудь тропинки могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Нигдѣ не нужно имѣть столько врожденныхъ способностей для начальника отряда, какъ въ горной войнѣ; самыя важныя послѣдствія зависятъ отъ ничтожныхъ или быстро измѣняющихся обстоятельствъ, которыя надобно напередъ сообразить и ничего не упустить; самые умные расчеты могутъ не исполниться отъ одной пещеры или обрыва. Одно и то же дѣло одинъ выиграетъ безъ всякихъ потерь, а другой — съ огромными пожертвованіями, или же будетъ имѣть и совершенную неудачу.

«Когда мѣстность извѣстна, обходы возможны или выжидаемъ ослабленъ духъ въ непріятелѣ, тогда только должно приступить къ атакѣ, атаковать внезапно и рѣшительно; заблаговременная извѣстность нападенія отнимаетъ силу у него, а нерѣшительность нападенія ведетъ къ напраснымъ потерямъ. Въ горной войнѣ, надобно быть выжидательну и хитру, какъ льву.

«Военныя соображенія Лезгинъ далеко превосходятъ соображенія Чеченцевъ. Всѣ извѣстные предводители горцевъ были Аварцы; всѣ важнѣйшія предпріятія, даже въ самой Чечнѣ, начинались и совершались Аварцами. Соображенія горцевъ здравы, дальновидны, всегда основаны на знаніи мѣстности и обстоятельствъ. Когда угрожаетъ опасность одному непріятельскому пункту, они обращаются туда, гдѣ ихъ не ожидаютъ, въ ту часть края, которая обнажена отъ войскъ: такимъ образомъ, развлекаютъ наши силы и ободряютъ своихъ; при слабости съ нашей стороны, дѣлаютъ одновременныя вторженія съ нѣсколькихъ сторонъ или самыя быстрыя и нечаянныя нападенія на удаленныя отъ нихъ мѣста, гдѣ ихъ вовсе не ожидаютъ.

«Чеченцы и горцы одинаково искусно пользуются мѣстностію; но Лезгины превосходятъ Чеченцевъ въ искусствѣ укрѣпляться, и эта часть доведена у нихъ до совершенства. Завалы и укрѣпленія ихъ всегда имѣютъ сильный перекрестный огонь. Противъ артиллеріи они вырываютъ канавы съ крѣпкими навѣсами, засыпанными землею, гдѣ совершенно безопасны отъ ядеръ и гранатъ, а для бодшей безопасности защитниковъ дѣлаютъ крытые ходы; иногда подземныя канавы устраиваются въ нѣсколько ярусовъ. Вообще же завалы дѣлаются изъ камня или деревянныхъ срубовъ, пересыпанныхъ землею.

«Чеченцы дерзки при нападеніи, еще дерзче въ преслѣдованіи, но не имѣютъ стойкости и хладнокровія. Лезгины, наоборотъ, не такъ смѣлы, не такъ быстры и предпримчивы, какъ Чеченцы, но болѣе стойки и рѣшительны. Чеченцы способны къ наѣзднической войнѣ: они дѣлаютъ быстро внезапныя вторженія въ наши предѣлы, пользуются всякимъ случаемъ, чтобъ напасть врасплохъ на фуражировъ, на обозъ, на партіи, неутомимо тревожатъ наши аванпосты и цѣпи, т. е. ведутъ партизанскую войну. Лезгины ведутъ войну положительную, съ важными цѣлями завоеванія или защиты своихъ обществъ; встрѣчаютъ насъ большею частію открытымъ боемъ на крѣпкихъ позиціяхъ; усиливаютъ ихъ завалами, башнями, подземными канавами, съ навѣсами; занимаютъ пещеры, переправы чрезъ рѣки, овраги и держатся въ нихъ съ удивительною рѣшительностію, дерутся до послѣдней крайности.

«На позиціяхъ же некрѣпкихъ или удобо-обходимыхъ слабо защищаются; на обозы и партіи фуражировъ рѣдко нападаютъ. Различіе въ образѣ войны происходитъ сколько отъ различія

племень, столько отъ быта и мѣстности Дагестана и Чечни. Большая и Малая Чечня ровны (?) и покрыты лѣсомъ; мѣстность доступная и обходимая. Въ Дагестанѣ встрѣчаются, во всѣхъ горахъ, тѣснины отвѣсными стѣнами; встрѣчаются горы, на которыя ведетъ одна тропинка; пещеры, въ которыя можно спуститься только по веревкѣ; переправы, къ которымъ можно приблизиться только по карнизу, подъ огнемъ ихъ заваловъ, скрытыхъ отъ всякаго выстрѣла, и пещеры въ самыхъ скалахъ.

«Самая постройка ауловъ у Лезгинъ придаетъ имъ рѣшимость. Брать съ боя лезгинскій аулъ дѣло отчаянное и допускается только въ обстоятельствахъ, особенно важныхъ для края. Постройки Лезгинъ всѣ изъ камня, плить пли голышей, хорошо сложенныхъ на глинѣ въ одинъ и два яруса. Лезгинскія сакли въ родѣ замковъ; надъ многими устраиваются башни; иногда сакли обнесены стѣною; въ каждомъ домѣ, въ каждой стѣнѣ продѣланы бойницы, и весь аулъ представляетъ особаго рода крѣпость: каменные, хорошо обороненныя сакли плотно примыкаютъ одна къ другой, и сакли на саклѣ въ нѣсколько ярусовъ. Аулы или въ ущельяхъ, или на уступахъ горъ; иногда примкнуты къ скаламъ, иногда окружены кручею; часто доступъ и самый вѣздъ въ нихъ чрезвычайно трудны. Улицы такъ узки; что трудно повернуться на конѣ; сверхъ того, нѣкоторыя сакли построены поперекъ улицы, и оставлены только низкія ворота для проѣзда. Потеря на штурмѣ аула, въ которомъ засядутъ горцы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ защищаться, бываетъ чрезвычайно важна.»

Этими извлеченіями оканчиваются выписки изъ записокъ генерала Пассека, въ высшей степени интересныхъ и чрезвычайно полезныхъ. Мы убѣждены, что читатели наши съ удовольствіемъ и съ пользою прочтутъ приведенныя нами извлеченія изъ записокъ генерала, который составилъ себѣ блестящую репутацію на Кавказѣ, но, къ величайшему сожалѣнію, рано-временно погибъ отъ вражеской пули.

Сдѣлавъ очеркъ и оцѣнку различныхъ системъ, предлагавшихся для умиротворенія Кавказа, г. Романовскій переходитъ къ общему выводу о Кавказской войнѣ до 1856 года.

«Все сказанное о различныхъ способахъ и системахъ дѣйствій — говоритъ авторъ — употреблявшихся въ прежнее время на Кавказѣ, приводитъ къ заключенію: во первыхъ, что всѣ названые способы и системы дѣйствій, сами по себѣ отдѣльно

взяты, не могли привести къ окончательнымъ результатамъ, и, во вторыхъ, что всѣ они только тогда могли сдѣлаться вполне полезными, когда были основаны на одной общей системѣ. Кроме того, все прежде сказанное о Кавказѣ, въ военномъ отношеніи, и приведенный теперь обзоръ различныхъ способовъ и системъ дѣйствій убѣждаютъ также, что, по обширности и разнообразію театра войны, какія представляетъ Кавказскій край, для успѣшнаго хода дѣла необходимо было предоставить главнымъ мѣстнымъ начальникамъ нѣкоторую самостоятельность и достаточныя средства. Необходимо было, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ право и возможность пользоваться обстоятельствами, благопріятствовавшими которому либо изъ указанныхъ главныхъ способовъ, такъ, на примѣръ: произвести набѣгъ, вырубить просѣку и т. п. Но и эта, столь необходимая для мѣстныхъ начальниковъ, самостоятельность съ пользой для дѣла могла быть дана только въ томъ случаѣ, когда общая система была опредѣлена.

«Во всякомъ дѣлѣ, отсутствіе общей системы неизбежно влечетъ къ напрасной тратѣ времени, къ потерѣ благопріятныхъ случаевъ для дѣйствій и къ невозможности извлекать изъ своихъ средствъ наибольшую пользу. Чѣмъ важнѣе и сложнѣе дѣло и чѣмъ дороже и труднѣе средства, тѣмъ необходимѣе общая система и тѣмъ ощутительнѣе недостатки, происходящіе отъ ея отсутствія.

«Общая же система, весьма естественно, не можетъ явиться прежде, пока не избранъ общій планъ. Не остановившись на выборѣ какого бы то ни было общаго плана, нельзя соразмѣрить отдѣльные способы и системы дѣйствій такъ, чтобы они съ наименьшей тратой времени и средствъ вели къ одной главной цѣли: однимъ словомъ, безъ окончательнаго выбора общаго плана, нѣтъ возможности опредѣлить и общей системы.

«Разсматривая военныя дѣйствія, происшедшія на Кавказѣ, какъ противъ восточныхъ, такъ и противъ западныхъ горцевъ, отъ начала Кавказской войны до окончанія послѣдней Турецкой войны, мы не находимъ въ нихъ общаго плана.

«При генералѣ Ермоловѣ, со времени котораго начинаются систематическія дѣйствія противъ восточныхъ горцевъ, для составленія общаго плана не было ни достаточныхъ средствъ, ни свѣдѣній о краѣ; что же касается до племенъ западнаго Кавказа, то въ то время значительная ихъ часть находилась еще подъ

властію Турціи, хотя и номинально, а потому объ окончательномъ ихъ покореніи не могло быть и рѣчи.

«По отъѣздѣ генерала Ермолова, войны съ Персією и Турцією заставили, въ продолженіе 4 лѣтъ, ограничиваться противъ горцевъ мѣрами оборонительными. По окончаніи войнъ, въ продолженіе 1830, 1831 и 1832 годовъ, дѣйствія противъ восточныхъ горцевъ были усилены. Но цѣль ихъ, какъ мы видѣли, ограничивалась лишь подавленіемъ возстаній, возбужденныхъ юридиказмомъ, и затѣмъ главное вниманіе было обращено на упроченіе нашей власти на западномъ Кавказѣ. Новые успѣхи юридиказма, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, опять заставили насъ усилить военныя дѣйствія противъ восточныхъ племенъ, но и эти дѣйствія имѣли исключительною цѣлью только уничтоженіе безпокойствъ, возбужденныхъ новымъ ученіемъ. Мы видѣли также, что надежда усиленными наступательными экспедиціями въ горы подавить юридиказмъ, составлявшая характеръ дѣйствій того періода, привела насъ къ результатамъ неблагоприятнымъ.

«Послѣ даргинской экспедиціи 1845 года, война противъ горцевъ принимаетъ характеръ болѣе систематической. Мы имѣли уже случай замѣтить, какую огромную пользу умиротворенію Кавказа привнесли дѣйствія послѣдняго изъ разсмотрѣнныхъ нами періодовъ. Но, при всей огромной пользѣ, ими принесенной, мы и въ нихъ еще не находимъ общаго плана. Дѣйствія, производившіяся со стороны Кавказской Линіи съ 1846 по 1856 годъ, имѣли цѣлью только утвержденіе нашей власти на плоскости до подошвы Черныхъ горъ; дѣйствія со стороны Дагестана ограничивались упроченіемъ нашей власти въ прибрежномъ Дагестанѣ, а дѣйствія на Лезгинской Линіи—улучшеніемъ обороны этой линіи.»

Далѣе авторъ, задавшись вопросами относительно причины отсутствія всякаго плана въ дѣйствіяхъ вышеуказаннаго періода, тѣмъ не менѣе, приходитъ къ заключенію, что это не могло не имѣть невыгодныхъ послѣдствій.

«Да и могъ ли создаться общій планъ — продолжаетъ авторъ — необходимый для составленія общей системы, пока не были возбуждены вопросы: что именно должно сдѣлать для окончательнаго покоренія горцевъ? какія для того необходимы средства? и во сколько времени подобное предпріятіе можетъ быть исполнено?»

«Ничего подобнаго на эти вопросы мы не находимъ въ соображеніяхъ для дѣйствій на Кавказѣ до 1856 года.

«Въ послѣдующихъ чтеніяхъ — говоритъ авторъ, въ заключеніе своего восьмага чтенія—мы увидимъ, когда были возбуждены эти вопросы и какими образомъ они разрѣшены.» А потому мы, съ своей стороны, не вдаваясь въ подробный разборъ послѣдующихъ чтеній г. Романовскаго, скажемъ нѣсколько словъ о новомъ планѣ дѣйствій новаго главнокомандующаго, генералъ-адъютанта князя Барятинскаго. Но, «прежде, нежели говорить о распоряженіяхъ нынѣшняго главнокомандующаго на Кавказѣ, я считаю необходимымъ — говоритъ авторъ и вмѣстѣ съ нимъ скажемъ мы—сказать нѣсколько словъ о его служебной дѣятельности до этого назначенія.

«Князь Барятинскій имѣлъ случай ознакомиться съ Кавказскою войною въ самые первые годы своей службы. Произведенный въ офицеры въ 1833 году, князь въ 1835 году уже участвовалъ въ экспедиціи противъ Шапсуговъ и Натухайцевъ, производившейся подъ начальствомъ генерала Вельямина, и въ первыхъ же дѣлахъ своей храбростію успѣлъ обратить на себя вниманіе старыхъ кавказскихъ служивыхъ. Въ ту же экспедицію, при встрѣчѣ съ горцами подъ Чемокосеколайко, гдѣ князь Барятинскій командовалъ казачьей сотней, онъ былъ тяжело раненъ и, по представленію генерала Вельямина, получилъ золотую саблю.

«По возвращеніи съ Кавказа въ Россію — продолжаетъ авторъ—въ 1836 году, князь Барятинскій былъ назначенъ состоять при Государь Наслѣдникѣ, нынѣ царствующемъ Государь Императорѣ. Но, несмотря на все блистательное положеніе, какимъ пользовался въ Петербургѣ, онъ, однако, въ 1845 году, когда главнокомандующимъ на Кавказѣ былъ назначенъ князь Воронцовъ, снова отправился на Кавказъ и участвовалъ въ предпринятой тогда даргинской экспедиціи, подробности которой, безъ сомнѣнія, болѣе или менѣе каждому извѣстны (а тѣмъ болѣе нашимъ читателямъ, потому что описаніе этой экспедиціи было помѣщено въ «Военномъ Сборникѣ»).

«Въ 1847 году, князь Барятинскій былъ назначенъ командиромъ егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева, нынѣ Кабардинскаго, имени его сіятельства (князя Барятинскаго) полка, и съ этого времени, можно сказать, уже не оставялъ Кавказа. Сперва командуя полкомъ, потомъ бригадою, дивизіею и

Лѣвымъ Флангомъ, а наконецъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, занимая должность начальника главнаго (?) штаба, онъ, конечно, имѣлъ случай близко изучить и край и войну.

До назначенія, въ 1853 году, начальникомъ главнаго штаба, князь почти постоянно находился въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ... Но, несмотря на весь интересъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣйствій, мы не будемъ на нихъ останавливаться, опасаясь слишкомъ расширить предѣлы нашей статьи.

«Назначеніе главнокомандующимъ и намѣстникомъ кавказскимъ князя Барятинскаго—продолжаетъ авторъ—было принято въ край съ общимъ восторгомъ.

«Съ первыхъ же дней своего назначенія, новый главнокомандующій приступилъ къ исполненію тѣхъ мѣръ, которыя для предполагаемаго имъ плана дѣйствій были необходимы.»

Сначала главнокомандующій приступилъ къ новому военно-административному раздѣленію края и новому распредѣленію войскъ. Прежнее раздѣленіе Кавказской Линіи на Лѣвый и Правый флаги и центръ, при которомъ, вслѣдствіе централизаціи управленія въ городѣ Ставрополѣ, начальники этихъ частей не имѣли никакой самостоятельности, было измѣнено. Всѣ части Кавказскаго края, на которыхъ происходили военныя дѣйствія, въ 1856 году были раздѣлены на пять главныхъ отдѣловъ: 1) Правое Крыло Кавказской Линіи, 2) Лѣвое Крыло, 3) Прикаспійскій край и Дербентская губернія, 4) Лезгинская кордонная Линія съ Джаро-Бѣлоканскимъ округомъ, и 5) Кутаисское генералъ-губернаторство. Соотвѣтственно новому раздѣленію, назначенію театровъ войны и видамъ были расположены войска. Что же касается новаго плана дѣйствій, то, собственно говоря, въ немъ ничего особенно новаго не было, кромѣ самаго главнаго — системы дѣйствій и твердой рѣшимости дѣйствовать, устремаясь прямо къ цѣли, чему, конечно, содѣйствовали ясное сознаніе самой цѣли, разумное избраніе предметовъ дѣйствій и соотвѣствующихъ временнымъ и мѣстнымъ условіямъ способовъ дѣйствій. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь играли значительную роль тѣ военныя средства, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи новый главнокомандующій. По пріѣздѣ въ край, князь Барятинскій съ самаго начала распорядился относительно дѣйствій на предстоящую зиму съ 1856 на 1857 годъ, со стороны Кавказской и Лезгинской линій, весною же 1857 года, «объѣхавъ Лѣвое и Правое крыло Кавказской Линіи, лично пере-

далъ командовавшимъ тамъ войсками, а также и командовавшему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, тѣмъ указанія, въ которыхъ выказался новый общій планъ дѣйствій.»

Главнѣйшее вниманіе князя Барятинскаго было обращено на Лѣвое Крыло, гдѣ былъ противникомъ Россіи знаменитый Шамиль. Было рѣшено, что, для покоренія восточнаго Кавказа, рѣшительное наступленіе въ горы неизбѣжно. «Но прежде, чѣмъ отважиться на подобное смѣлое предпріятіе, необходимо было обезпечить успѣхъ.

«Въ этихъ видахъ — продолжаетъ авторъ — предположено было: во первыхъ, улучшить уже существовавшую блокаду; во вторыхъ, выбрать и обезпечить главный путь наступленія, и, наконецъ, произвести самое вторженіе одновременно съ трехъ сторонъ. Тогда же были указаны главнокомандующимъ средства для улучшенія блокады, избранъ путь наступленія и опредѣлено время для исполненія всѣхъ этихъ предположеній.

«Такимъ образомъ, въ 1857 году, въ первый разъ были возбуждены и рѣшены вопросы: что именно должно сдѣлать для окончательнаго покоренія горцевъ, какія нужны для того средства и во сколько времени подобное предпріятіе можетъ быть исполнено, — вопросы, которыхъ, какъ было замѣчено въ прошедшемъ чтеніи, мы не находимъ въ предположеніяхъ для дѣйствій на Кавказѣ до 1857 года.»

Что же касается до западнаго Кавказа, то тамъ, со стороны Кавказской Линіи, были приняты весьма необходимыя мѣры для прикрытія нашихъ казачьихъ поселеній, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наши боевыя средства перенесены были ближе къ горамъ; со стороны же Закавказскаго края возобновлено укрѣпленіе Гагры, которымъ запирается единственный путь вдоль черноморскаго побережья отъ черкесскихъ племенъ въ мирныя части Закавказья, и произведена экспедиція въ Сванетію, для подавленія возникшихъ безпорядковъ, вслѣдствіе семейныхъ распрій владѣтельныхъ лицъ.

«Такимъ образомъ—говоритъ авторъ — въ продолженіе первыхъ полутора года, съ половины 1856 до конца 1857, кромѣ весьма успѣшнаго начала въ исполненіи предположеннаго главнокомандующимъ общаго плана дѣйствій для покоренія восточныхъ горцевъ, мы и на западномъ Кавказѣ не только успѣли устранить всѣ невыгодныя послѣдствія минувшей войны, но еще сдѣлали значительный шагъ впередъ для покоренія и этой части края.»

Заклучивъ этими словами девятое чтеніе, авторъ, въ десятомъ чтеніи, переходитъ къ очерку дѣйствій на восточномъ Кавказѣ въ 1858 и въ 1859 годахъ и дѣйствій противъ западныхъ горцевъ. Несмотря на животрепещущій интересъ этихъ очерковъ, мы, съ одной стороны, будучи увѣрены, что наши читатели уже знакомы съ этими дѣйствіями изъ статей «Военнаго Сборника» и другихъ журналовъ, съ другой—опасаясь владеть въ подробности, перейдемъ къ очерку современнаго положенія Кавказа, какимъ его очерчиваетъ авторъ.

«Такимъ образомъ — говоритъ г. Романовскій — изъ кавказскихъ горскихъ племенъ, въ продолженіе шестидесяти лѣтъ сопротивлявшихся утвержденію на Кавказѣ русской власти, въ настоящее время, остаются непокорными только Шапсуги (Шабсыгъ?), Убыхи (Абухъ?) и еще нѣкоторыя другія, менѣе значительныя, занимающія восточный берегъ Чернаго моря, въ которыхъ общая цыфра народонаселенія составляетъ также отъ 150 до 200,000 душъ (*). Эти—то племена, занимающія на сѣверной сторонѣ хребта пространство между Абадзехами и Натухайцами (уже изъявившими покорность), а вдоль черноморскаго прибрежья—между укрѣпленіями Константиновскимъ и Гагры, и составляютъ нынѣ послѣднихъ противниковъ утвержденія на Кавказѣ нашей власти. Но самая цыфра остающагося непокорнымъ народонаселенія показываетъ, что сопротивленіе ихъ не будетъ продолжительно.»

Но далѣе авторъ считаетъ нужнымъ—и, по нашему мнѣнію, весьма основательно—оговорить, что настоящее положеніе умиротворенія Кавказа еще не даетъ права надѣяться на совершенное и безусловное спокойствіе всего покореннаго края и на будущее время.

«Въ трудныхъ болѣзняхъ, счастливый переломъ рѣдко ведетъ къ непосредственному выздоровленію—говоритъ авторъ — чаще болѣзнь въ большей или меньшей степени повторяется не разъ. Въ исторіи народовъ, рѣзкія перемѣны въ образѣ жизни не случаются никогда, и попытки возвратиться къ прежнему порядку вещей неизбежны. Но кажется, что, въ этомъ случаѣ, *если не естъ* покорившіяся, въ прошедшемъ году, кавказскія племена, то, по крайней мѣрѣ, значительная ихъ часть составятъ

(*) Общую цыфру покорившагося населенія западной части сѣвернаго Кавказа, двухъ главныхъ племенъ: Абадзеховъ (Абезахъ?) и Натухайцевъ (Натхегашъ?), авторъ опредѣляетъ отъ 150 до 200,000 человекъ.

исключеніе.» Убѣжденные въ основательности предположеній г. Романовскаго, въ то же время, считаемъ необходимымъ сказать, что симптомы болѣзни, къ сожалѣнію, снова проявились, въ настоящее время, на восточномъ Кавказѣ. Впрочемъ, симптомы эти, относительно, не опасны, и мы увѣрены, что вскорѣ больной организмъ получитъ большое облегченіе. Главное условіе для того, чтобы больной вполне поправился—средства успокоительныя и, въ то же время, содѣйствующія къ подкрѣпленію и развитію организма. Медицина воспрещаетъ не только тревожить больныхъ, но даже подавать поводъ къ малѣйшему волненію нервного и воспримчиваго организма (*).

«Впрочемъ—продолжаетъ авторъ — если бы впоследствии и явились какія либо попытки со стороны покорившихся племенъ восточнаго или западнаго Кавказа на непріязненныя дѣйствія, то и въ этомъ случаѣ можно быть твердо увѣреннымъ, что подобныя попытки никакимъ образомъ не разовьютъ войны до размѣровъ, въ какихъ она происходила до 1859 года. Самая продолжительность Кавказской войны служитъ лучшимъ въ томъ ручательствомъ. Независимо отъ тѣхъ, въ высшей степени искусныхъ, распоряженій, которыя сопровождали военныя дѣйствія на Кавказѣ въ послѣдніе четыре года, одна изъ причинъ теперяшняго умиротворенія края, нѣтъ сомнѣнія, заключается и въ томъ, что большинство горцевъ убѣдилось въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія.

«Что касается до части края, остающейся непокорною, то послѣдніе донесенія и слухи заставляютъ предполагать, что утвержденіе въ ней нашей власти не обойдется безъ военныхъ дѣйствій, и легко можетъ случиться, что мы еще будемъ здѣсь имѣть дѣла весьма кровавыя. Всѣ движенія, производившіяся въ этой части нашими войсками минувшей зимой и въ нынѣшнемъ году, постоянно сопровождались перестрѣлками, и горцы этой части Кавказа, попрежнему, оказываютъ сопротивленіе самое упорное. Шапсуги и Убыхи между кавказскими горами всегда отличались своей храбростію, а занимаемая ими мѣстность представляетъ всѣ выгоды для обороны. Но, какъ бы сильно ни было сопротивленіе со стороны остающихся на западномъ Кав-

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ съ Кавказа, возникшія волненія, возбужденныя между восточными горами немногими буйными жителями, уже подавлены; они имѣли характеръ разбоевъ и хищничества небольшихъ шаекъ дикарей.

казѣ непокорныхъ горцевъ, во всякомъ случаѣ, составляя народонаселеніе не болѣе того, которое, въ прошедшемъ году, покорилось добровольно, окруженныя нашими владѣніями и моремъ, при тѣхъ огромныхъ средствахъ, которыя съ нашей стороны уже направлены для ихъ покоренія, племена эти, конечно, не будутъ въ состояніи долго сопротивляться; принятые же главнокомандующимъ новые способы веденія войны, которыхъ выгоды такъ блистательно выказались при покореніи восточнаго Кавказа, нѣтъ сомнѣнія, и здѣсь дадутъ такой же результатъ, а потому съ достовѣрностію можно полагать, что и послѣднія военныя дѣйствія на Кавказѣ скоро прекратятся.

Далѣе г. Романовскій говоритъ о тѣхъ заботахъ, или, лучше сказать, задачахъ, которыя предстоитъ выполнить русскому правительству, какъ для болѣе полнаго утвержденія своей власти на Кавказѣ, такъ — еще важнѣе — для развитія края; при этомъ онъ приводитъ свѣдѣнія о различныхъ мѣрахъ, уже принятыхъ съ этими цѣлями на Кавказѣ.

Въ заключеніе нашего обзорѣя прекрасно выполненнаго и весьма полезнаго сочиненія г. Романовскаго, которое мы рекомендуемъ прочесть всѣмъ нашимъ читателямъ, приведемъ слѣдующія слова автора:

«Въ жизни государствъ, какъ и въ жизни людей, встрѣчаются подвиги, требующіе напряженныхъ усилій и много времени, вѣрная оцѣнка которыхъ для современниковъ почти невозможна (?). Совершаясь медленно, шагъ за шагомъ, безъ замѣтныхъ рѣзкихъ успѣховъ, съ постояннымъ напряженіемъ силъ, съ безчисленными жертвами, подобные подвиги, конечно, и въ свидѣтеляхъ—очевидцахъ возбуждаютъ участіе и вызываютъ съ ихъ стороны укоръ или похвалу, но полная, вѣрная оцѣнка такихъ заслугъ принадлежитъ потомству и можетъ быть сдѣлана только тогда, когда принесенныя жертвы и усилія дадутъ свои великіе плоды. Подобный подвигъ судьба назначила Россіи на Кавказѣ.» И далѣе авторъ продолжаетъ: «Но, каковы бы ни были жертвы, которыя Россія должна принести Кавказу, во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что эти жертвы будутъ потомствомъ достойно оцѣнены, прежде всего потому, что торжество Россіи въ войнѣ съ кавказскими горами составитъ торжество цивилизаціи надъ самымъ упорнымъ варварствомъ.

«Если же на каждомъ человѣкѣ лежитъ обязанность трудиться не только для себя, а своею жизнью принести пользу и

обществу, то точно также и на каждомъ великомъ народѣ лежитъ обязанность не только развивать самого себя, а содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, развитію другихъ, болѣе отсталыхъ народовъ. Можемъ ли мы отрицать благотворное вліяніе запада на наше развитіе? Не обязаны ли мы заплатить долгъ цивилизаціи, передавъ это вліяніе востоку? Если Петръ Великій основаніемъ Петербурга прорубилъ окно, сквозь которое Россія взглянула на Европу, то, въ наше время, умиротвореніемъ Кавказа прорубается окно для цѣлой западной Азіи, для Персіи, Арменіи, Месопотаміи, погруженныхъ въ вѣковое оцѣпенѣніе. Сквозь это окно взглянуть они на Европу, и если взглянуть не безъ пользы для себя, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то великій долгъ, лежащій на Россіи, относительно цивилизаціи, будетъ честно и достойно выплаченъ.»

Военно-историческій атласъ войнъ 1812—1815 годовъ. Составленъ Генеральнаго Штаба подполковникомъ Полторацкимъ. Часть I. Кампанія 1812 года.

Говорить о необходимости хорошихъ картъ, при изученіи военной исторіи, намъ кажется совершенно излишнимъ. Каждому весьма хорошо извѣстно, что, при чтеніи всякой военно-исторической статьи, пособіе картъ весьма необходимо. Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что изданіе хорошихъ картъ въ Россіи обходится очень дорого и требуетъ значительныхъ пожертвованій и большаго риска. Съ одной стороны, самая техника изданія картъ у насъ еще, сравнительно, очень дорога, съ другой—требованія на хорошія карты такъ слабы, что издатель не имѣетъ никакой возможности, назначивъ небольшую цѣну за свое изданіе, рассчитывать, для покрытія издержекъ, на выпускъ значительнаго числа экземпляровъ онаго. Вслѣдствіе этого мы должны поневолѣ довольствоваться иностранными картами или покупать: одно изъ двухъ—хорошія, но дорогія карты, изданныя въ Россіи, или большею частію весьма плохія, небрежно составленныя и дурно выполненныя и все-таки относительно не дешевыя. Исключеніемъ служатъ только карты, издаваемые Военно-Топографическимъ Депо, или вообще карты, издаваемые по распоряженію или съ пособіемъ правительства. Впрочемъ, въ послѣднее время, стали появляться весьма хорошія, хотя все-таки не дешевыя карты, издаваемые и частными людьми,—но весьма немногихъ.

«Военно-историческій атласъ войнъ 1812—1815 годовъ», составленный подполковникомъ Полторацкимъ, принадлежитъ къ категоріи изданій, предпринятыхъ при посредствѣ правительства. Начальство военно-учебныхъ заведеній, сознавая необходимость хорошихъ военно-историческихъ картъ при преподаваніи учебнаго курса военной исторіи въ кадетскихъ корпусахъ, поручило г. Полторацкому составить военно-историческій атласъ послѣдняго періода наполеоновскихъ войнъ, съ 1812 по 1815 годъ.

Но г. Полторацкій, судя по первому выпуску его «Атласа», не ограничился требованіями программы военно-учебныхъ заведеній и составилъ атласъ, который можетъ служить прекраснымъ пособіемъ при чтеніи самыхъ подробныхъ военно-историческихъ сочиненій.

Весь атласъ г. Полторацкаго будетъ состоять изъ 4 частей, соотвѣтствующихъ четыремъ кампаніямъ: 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ. Каждая часть будетъ состоять изъ операціонной карты кампаніи, чего нѣтъ при многихъ военно-историческихъ атласахъ, считавшихся лучшими, какъ, напримѣръ, у Вагнера, Ротенбурга, Кауслера и проч.; между тѣмъ, подобныя карты весьма необходимы и не могутъ быть замѣнены даже хорошими географическими картами, потому что на послѣднихъ, даже при достаточной подробности, весьма часто нѣтъ тѣхъ пунктовъ, которые играли болѣе или менѣе важную роль въ извѣстной войнѣ. Кромѣ того, въ каждой части будетъ помѣщено определенное число плановъ сраженій, въ масштабѣ, весьма удовлетворительномъ и устраняющемъ ту пестроту и неразборчивость, какою отличаются иногда планы сраженій, какъ, напримѣръ, у Ротенбурга и друг., и, притомъ, въ масштабѣ, дозволяющемъ наносить весьма подробныя свѣдѣнія относительно расположенія дѣйствовавшихъ войскъ въ данные моменты. По предположенію автора, атласъ его будетъ состоять изъ слѣдующихъ картъ и плановъ:

Первая часть — *кампанія 1812 года*: карта театра войны и планы: 1) дрисскаго лагеря и сраженія при Салтановкѣ; 2) сраженія при Смоленскѣ, 3) при Лубинѣ, 4) при Городечнѣ, 5) и 6) при Бородинѣ, 7) при Тарутинѣ, 8) при Красномъ и 9) Березинская переправа.

Вторая часть — *кампанія 1813 года*: карта театра войны и планы: 10) сраженія при Люценѣ, 11) при Бауценѣ, 12) при

Дрезденъ, 13) при Кульмъ, 14) Гроссъ-Бееренъ, 15) при Кацбахъ, 16) при Денневицъ и 17) и 18) подъ Лейпцигомъ.

Третья часть — *кампанія 1814 года*: карта театра войны и планы: 19) сраженія при Ларотьеръ, 20) операціонная карта дѣйствій въ долину р. Марны, 21) сраженія: при Краонъ, 22) при Лаонъ, 23) при Арсисъ-сюръ-Объ, 24) при Фершампенуазъ и 25) подъ Парижемъ.

Четвертая часть — *кампанія 1815 года*: карта театра войны и планы сраженій: 26) при Линьи и 27) подъ Ватерлоо.

Въ настоящее время, издана авторомъ первая часть атласа: кампанія 1812 года. Планы сраженій, какъ видно изъ подписей, разсматривались профессорами Академіи Генеральнаго Штаба и одобрены ими, что служитъ ручательствомъ въ ихъ вѣрности. Но, главное, сколько намъ извѣстно, авторъ пользовался весьма хорошими источниками и съ большою осторожностію и тщательностію составлялъ свои карты. При этомъ, изображеніе мѣстности взято имъ изъ оригинальныхъ топографическихъ съемокъ, и, какъ видно, авторъ старался не упустить ни малѣйшей топографической подробности, могущей оказать болѣе или менѣе важное вліяніе на ходъ боя.

Особенное вниманіе заслуживаютъ планы: дрисскаго лагеря, бородинскаго и тарутинскаго сраженій. Два плана бородинскаго сраженія, при составленіи которыхъ авторъ, въ числѣ прочихъ матеріаловъ, воспользовался весьма интереснымъ оригинальнымъ планомъ, составленнымъ, тотчасъ послѣ сраженія, французскими инженеръ-географами (*), весьма ясно знакомятъ съ ходомъ знаменитой битвы.

Къ каждому плану сраженія приложена легенда, въ видѣ таблицы, въ которой означены главнѣйшіе моменты боя. Легенды эти, вмѣстѣ съ прекрасно составленными планами, могутъ, до нѣкоторой степени, служить руководствомъ для изученія вышепоименованныхъ сраженій. Кромѣ того, въ двухъ таблицахъ авторъ помѣстилъ полныя свѣдѣнія о составѣ войскъ русскихъ и французскихъ, въ началѣ и въ концѣ кампаніи, означивъ потери въ людяхъ съ той и другой стороны. Однимъ словомъ, г. Полторацкій, отлично выполнивъ взятую на себя обязанность въ отношеніи военно-учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалъ

(*) Планъ этотъ былъ отбитъ у Французовъ и, въ настоящее время, хранится въ архивѣ Военно-Топографическаго Депо.

большую услугу тѣмъ изъ военныхъ людей, которые бы захотѣли наглядно ознакомиться съ поименованными нами кампаніями и наиболѣе важными сраженіями. Конечно, здѣсь слѣдуетъ сказать, что и при сочиненіи генераль-маіора Богдановича. «Исторія Отечественной Войны 1812 года», приложены прекрасныя карты и планы, но, во всякомъ случаѣ, трудъ г. Полторацкаго имѣеть вполне самостоятельный характеръ и выполненъ весьма добросовѣстно. Жалѣемъ, что авторъ принужденъ былъ назначить довольно дорогую цѣну первой части своего атласа — 10 руб. сер. (*) что, вѣроятно, зависѣло отъ тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы упоминали въ началѣ нашей рецензіи.

ЛЕКЦІИ ФОРТИФИКАЦІИ, читанныя въ *Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, по программѣ, утвержденной для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, г. Ивашкевичемъ, Выпускъ I.*

Г. Ивашкевичъ, примѣняясь къ программѣ военно-учебныхъ заведеній, въ XII лекціяхъ изложилъ: краткій историческій обзоръ долговременныхъ укрѣпленій и главныя правила расположенія долговременныхъ укрѣпленій въ современномъ ихъ состояніи. Мы не будемъ подвергать труда г. Ивашкевича строгому научному разбору, предоставляя это специалистамъ-инженерамъ, но, съ своей стороны, скажемъ только, что, повидимому, лекціи г. Ивашкевича вполне соотвѣтствуютъ своему назначенію, хотя и встрѣчаются иногда не совсѣмъ ясныя опредѣленія и не вполне отчетливыя чертежи. Но, вообще, по нашему крайнему убѣжденію, преподаватели фортификаціи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ должны обращать наибольшее вниманіе на полевую фортификацію, и преимущественно въ практическомъ ея приименіи, въ полѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ не бесполезно ознакомить съ элементарными началами долговременной фортификаціи, при чемъ необходимо слѣдуетъ показать имъ настоящіе крѣпостныя верки; но практическое изученіе полевой фортификаціи настоятельно необходимо. Мы не разъ говорили о пользѣ, которую можетъ принести обученіе войскъ землянымъ работамъ съ цѣлью укрѣпленія позицій. Между тѣмъ, намъ очень хорошо извѣстно, что

(*) Цѣна 1 части атласа — 10 р. с. Желающіе, могутъ пріобрѣтать планы и карты отдѣльно: планы — по 1 р. с., а карта — 2 р. 50 к. Подписчики «Военнаго Сборника» могутъ пріобрѣтать атласъ черезъ Редакцію журнала, прибавляя за пересылку за 10 фунтовъ.

весьма нерѣдко гг. офицеры пѣхотныхъ войскъ имѣютъ весьма слабыя понятія о возведеніи полевыхъ укрѣпленій; случается, что гг. офицеры, имѣющіе теоретическія понятія о различныхъ сложныхъ фортификаціонныхъ системахъ, когда приходится прибѣгать къ постройкѣ самыхъ обыкновенныхъ укрѣпленій, — не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу.

+++

ЗАМѢТКА.

Въ 8 № «Военнаго Сборника», напечатана первая часть «Описанія Амурскаго края». Въ историческомъ обзорѣніи этого края, сдѣланъ весьма важный пропускъ, затмѣвающий заслуги нѣкоторыхъ лицъ, трудами которыхъ въ первый разъ изслѣдовано и описано было устье Амура. Краткою замѣткою нашею, мы намѣрены возстановить истину.

На стр. 296 «Описанія Амурскаго края» сказано:

«Въ 1848 году, назначень былъ командиромъ транспорта «Байкаль» капитанъ Невельскій, которому поручено изслѣдовать амурскій лиманъ и описать юго-восточный берегъ Охотскаго моря. Изъ представленнаго имъ описанія сдѣлалось извѣстнымъ: а) что *Сахалинъ* есть островъ, въ противность предположеній Бейтона; б) что входы въ лиманъ съ сѣвера и юга открыты для судовъ значительныхъ ранговъ; в) что Татарскій проливъ и Охотское море соединяются каналомъ, идущимъ вдоль острова Сахалина; г) что входъ въ рѣку Амуръ не запертъ трехъ-футовою отмелью, какъ полагали, на основаніи донесенія Крузенштерна....» и проч.

По смыслу этой выписки, читатель можетъ заключить, что честь перваго изслѣдованія устьевъ Амура принадлежитъ капитану Невельскому; на самомъ же дѣлѣ честь эта принадлежитъ Корпуса Штурмановъ поручику *Гаврилову*, на основаніи ниже-слѣдующихъ данныхъ:

Въ декабрѣ 1844 года, государственный канцлеръ письмомъ сообщилъ бывшему предсѣдателю главнаго правленія Россійской Американской Компаніи, контръ-адмиралу Врангелю (*), Высо-

(*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта.

чайшую волю покойнаго Государя Императора о томъ, чтобы доступность рѣки Амура для мореходныхъ судовъ съ запада изслѣдована была стараніями этой компаніи. Контръ-адмиралъ Врангель составилъ проектъ плана морской экспедиціи. Проектъ этотъ удостоился Высочайшаго одобренія, и въ началѣ зимы 1845 года отправлены были въ россійско-американскія колоніи: инструкция и предписаніе главному правителю, капитану 1 ранга Тебѣнкову, о снаряженіи, безъ всякаго замедленія, морской экспедиціи для изслѣдованія устьевъ Амура. Компанейскій бригъ «Константинъ», подъ начальствомъ Корпуса Штурмановъ поручика Гаврилова, отправился съ этимъ важнымъ порученіемъ изъ Ново-Архангельска раннею весною 1846 года. 26 августа того же года, г. Гавриловъ представилъ предсѣдателю главнаго общества Россійской Американской Компаніи отчетъ о благополучномъ и довольно успѣшномъ исполненіи предпріятія.

Въ отчетѣ, поручикъ Гавриловъ доноситъ, что, оставаясь предъ баромъ Амура на якорѣ, изслѣдовалъ онъ на байдаркахъ промѣромъ самую рѣку около 20 верстъ отъ ея устья, вверхъ по теченію, и убѣдился въ доступности рѣки, съ морской стороны, для судовъ, сидящихъ около 10 футовъ. Журналъ и карта этихъ изслѣдованій переданы были въ Азіатскій департаментъ, гдѣ, вѣроятно, хранятся и теперь.

Замѣтка наша нисколько не уменьшаетъ достоинствъ статьи ротмистра Бартоломея и послужитъ ей какъ бы дополненіемъ, а равно и не умалитъ заслугъ капитана Невельскаго, съ большею подробностію изслѣдовавшаго устье Амура, по доставленнымъ ему, предъ самымъ отправленіемъ, контръ-адмираломъ Врангелемъ свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ отчета поручика Гаврилова.

К. ШВАРЦЪ.